П.И. Чайковский

и его наследие в XIX–XXI вв.

ЗАБЫТОЕ *и* НОВОЕ

Международная научная конференция к 125-летию со дня смерти композитора

г. Клин, 7–9 ноября 2018 г.

Министерство культуры Российской Федерации
Министерство культуры Московской области
Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского
Государственный институт искусствознания

Международная научная конференция «П.И. Чайковский и его наследие в XIX–XXI вв.: забытое и новое»
7–9 ноября 2018 г.

Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

В.В. Лисенко, *директор Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского, лауреат премии Правительства Российской Федерации;*

Н.В. Сиповская, *директор Государственного института искусствознания, доктор искусствоведения;*

Г.И. Белонович, *заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника П.И. Чайковского, заслуженный деятель искусств Российской Федерации;*

О.А. Пашина, *ученый секретарь Государственного института искусствознания, доктор искусствоведения;*

А.Г. Айнбиндер, *зав. отделом рукописных и печатных источников Государственного музея-заповедника П.И. Чайковского и старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, кандидат искусствоведения;*

Н.В. Горбунова, *ученый секретарь Государственного музея-заповедника П.И. Чайковского*

При поддержке ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ МОСКВА

Приветствую участников, гостей и организаторов Международной научной конференции «П.И. Чайковский и его наследие в XIX–XXI веках: забытое и новое».
Ваша конференция, организованная музеем-заповедником П.И. Чайковского и Государственным институтом искусствознания, проходит в дни, когда мировая культурная общественность отмечает 125-летие со дня смерти великого русского композитора, чье творческое наследие остается сакральной ценностью для слушателей всего мира. Уникальная мелодичность, искренность, яркая эмоциональность музыки Чайковского делает ее доступной и притягательной для слушателей всех поколений.
На протяжении десятилетий Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского бережно хранит все, что связано с именем композитора.
Основанный М.И. Чайковским как мемориальный и открывший свои двери для первых посетителей через год после смерти композитора, сегодня музей-заповедник – крупный научный центр, место творческих встреч выдающихся музыкантов-исполнителей, площадка для диалога культур разных стран и народов.
Желаю участникам конференции успешной работы, творческого вдохновения и плодотворного научного диалога.

Министр культуры
Московской области
НАРМИН ШИРАЛИЕВА

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

7 ноября 2018 года, среда Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского Выставочный зал (2 этаж)	
9:30–10:00	**Регистрация участников**
10:00–12:00	**Научное заседание Модератор – заслуженный деятель искусств Российской Федерации Г.И. Белонович**
	ПРИВЕТСТВИЯ **Владимир Владимирович Лисенко,** директор Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского, лауреат премии Правительства Российской Федерации **Наталия Владимировна Сиповская,** директор Государственного института искусствознания, доктор искусствоведения **Андрей Алексеевич Устинов,** главный редактор национальной газеты «Музыкальное обозрение», заслуженный деятель искусств Российской Федерации **Протоиерей Сергий Бабурин,** руководитель Русского центра Дома Чайковского в Гамбурге, настоятель храма св. прав. Иоанна Кронштадтского (Германия)
	ДОКЛАДЫ **Ада Григорьевна Айнбиндер,** кандидат искусствоведения (Клин, Москва) *П.И. Чайковский Концерт для скрипки с оркестром соч.35: загадки текста и превратности судьбы. К выходу новых томов Академического полного собрания сочинений П.И. Чайковского*
	Олеся Анатольевна Бобрик, кандидат искусствоведения (Москва) *История энциклопедии о Чайковском: от замысла к воплощению*
	Мария Николаевна Щербакова, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург) *Чайковский и Мариинский театр: последние годы сотрудничества*
12:00–12:20	**Кофе-брейк**
12:20–14:00	**Научное заседание Модератор – кандидат искусствоведения А.Г. Айнбиндер**
	Тамара Закировна Сквирская, кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург) *П.И. Чайковский и Михайловский театр*
	Александр Викторович Комаров, кандидат искусствоведения (Москва) *Письма к Чайковскому в фондах Музея музыки: новые документы о жизни и творчестве композитора*
	Даниил Рустамович Петров, кандидат искусствоведения (Москва) *Симфоническое творчество Чайковского: новое об известном*
	Елена Марковна Двоскина, кандидат искусствоведения (Москва) *Чайковский-теоретик сегодня*
	Зивар Махмудовна Гусейнова, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург) *П.И. Чайковский в научных и эпистолярных материалах Н.А. Римского–Корсакова*
14:00–15:00	**Обед**

15:00–17:00	**Научное заседание Модератор – заслуженный деятель искусств Российской Федерации Г.И. Белонович**
	Светлана Анатольевна Петухова, кандидат искусствоведения (Москва) *«Общительность интонации» как фамильная черта*
	Рональд де Вет (Нидерланды) *Романс П. И. Чайковского «Mezza notte»*
	Анна Сергеевна Виноградова (Москва) *Первые консерваторские постановки «Евгения Онегина»: контекст*
	Марина Григорьевна Раку, доктор искусствоведения (Москва) *Чайковский в диалогах с Мейербером*
	Ирина Вячеславовна Брежнева, кандидат искусствоведения (Москва) *Памяти П.И. Чайковского: отклики зарубежной прессы на смерть композитора (по материалам фонда библиотеки Московской консерватории)*
	Григорий Анатольевич Моисеев, кандидат искусствоведения (Москва) *П.И. Чайковский и великий князь Константин Константинович: посмертный диалог (1894–1915)*
17:00–17:20	**Дискуссия. Кофе-брейк**
18.00–19.30	**Церемония передачи в Государственный музей-заповедник П.И. Чайковского архива народного артиста СССР, виолончелиста Даниила Шафрана Выставка-презентация материалов архива** *(аудио-зал концертно-выставочного здания музея-заповедника П.И. Чайковского)* **Концерт** *в кабинете-гостиной мемориального дома* **Народный артист России Александр Рудин (виолончель) Лауреат Международных конкурсов Эмин Мартиросян (виолончель, фортепиано)**

8 ноября 2018 года, четверг **Поездка в г. Сергиев-Посад** **Посещение Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника**	
9 ноября, 2018 года, пятница **Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского** **Выставочный зал (2 этаж)**	
10:00–12:00	**Научное заседание** **Модератор – заслуженный деятель искусств Российской Федерации Г.И. Белонович**
	Иван Александрович Куряков (Москва) *Современная музыкальная культура в России*
	Анна Юрьевна Николаева, Александр Серафимович Скрябин (Москва) *П.И. Чайковский и А.Б. Гольденвейзер*
	Леонид Леонидович Тумаринсон (Москва) *В.И. Сафонов – П.И. Чайковский*
	Антонина Леонидовна Макарова, кандидат искусствоведения (Екатеринбург) *Интертекстуальные аллюзии в Гимне свету из «Иоланты» П.И. Чайковского.*
	Валерия Викторовна Васильева (Санкт-Петербург) *Творчество П.И. Чайковского в освещении немецкоязычной прессы Петербурга (1880-1890).*
	Егорова Марина Алексеевна, кандидат искусствоведения (Москва) *Образы главных героев в балете П. И. Чайковского «Спящая красавица»: либретто и музыка*
12:00–12:20	**Кофе-брейк**
12:20–14:00	**Научное заседание** **Модератор – кандидат искусствоведения А.Г. Айнбиндер**
	Борис Владимирович Мукосей (Москва) *Три «Снегурочки» (П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, А.Т. Гречанинова)*
	Василиса Александровна Александрова (Москва) *П.И. Чайковский в переписке Б.В. Асафьева с П.А. Ламмом.*
	Елена Марковна Шабшаевич, доктор искусствоведения (Москва) *Музыка П.И. Чайковского в художественном пространстве балета Дж. Ноймайера «Анна Каренина»*
	Иван Андреевич Щербак (Москва) *Сохранение и популяризация творчества П.И. Чайковского в современном мире*
	Элхонон Иоффе (США) *История музыки Чайковского в Америке. Хроника (по материалам американской прессы)*
14:00–15:00	**Обед**

15:00–17:00	**Научное заседание** **Модератор – кандидат искусствоведения А.Г. Айнбиндер**
	Ирина Юрьевна Лисенко, кандидат культурологии (Москва) *Проблемы изучения творчества П.И. Чайковского в системе общего образования*
	Людмила Федоровна Павлунина (Ижевск, Удмуртская Республика) *П.И. Чайковский в изобразительном искусстве. Что слышат и видят дети в музыке П.И. Чайковского? К вопросу о «неизученном» Чайковском*
	Татьяна Николаевна Ермолаева (Великобритания) *Рояли П.И. Чайковского: новый Петербургский след*
	Маргарита Владимировна Метлякова (Воткинск, Удмуртская Республика) *К истории портрета А.А. Чайковской*
	Алексей Владимирович Говядинов (Москва) *В.С. Сахаров – владелец дома, в котором сейчас находится музей П.И. Чайковского*
	Денис Андреевич фон Мекк (Москва) *Образ П.И. Чайковского в медалях и монетах*
	Георгий Ефимович Давыдов, доктор экономических наук (Москва) *Траектория Галактики городов П.И. Чайковского*
17:00–17:20	**Дискуссия. Кофе-брейк**
18:00	**Концерт «Русская опера и балет. Парафразы для двух фортепиано»** **Заслуженный артист России Александр Гиндин (фортепиано)** **Лауреат Международных конкурсов Басиния Шульман (фортепиано)** *Концертный зал Государственного музея-заповедника П.И. Чайковского*

Айнбиндер Ада Григорьевна

музыковед, кандидат искусствоведения, заведующая отделом рукописных и печатных источников Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского и старший научный сотрудник Сектора академических музыкальных изданий Государственного института искусствознания, научный руководитель проекта «Академическое полное собрание сочинений П.И. Чайковского (г. Клин, Московская область)

Александрова Василиса Александровна

музыковед, научный сотрудник Сектора академических музыкальных изданий Государственного института искусствознания (Москва)

Бобрик Олеся Анатольевна

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела музыки Государственного института искусствознания, сотрудник Архива нотной библиотеки Большого театра России, доцент кафедры теории музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (Москва)

Брежнева Ирина Вячеславовна

музыковед, кандидат искусствоведения, заведующая отделом редких изданий и рукописей Научной музыкальной библиотеки имени С.И. Танеева Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (Москва)

Васильева Валерия Викторовна

историк культуры, старший научный сотрудник Филиала Государственного музея истории Санкт-Петербурга «Особняк Румянцева» (Санкт-Петербург)

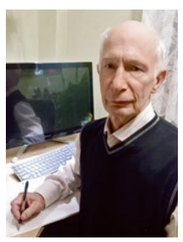
Вет Рональд де

свободный исследователь (Нидерланды)

Виноградова Анна Сергеевна

музыковед, научный сотрудник Сектора истории музыки Государственного института искусствознания (Москва)

Говядинов Алексей Владимирович



краевед, член Российского военно-исторического общества (Москва)

Гусейнова Зивар Махмудовна

доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории русской музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (Санкт-Петербург)

Давыдов Георгий Ефимович

доктор экономических наук, профессор кафедры логистики и управления транспортными системами Российского университета транспорта, главный редактор журнала «Бюллетень транспортной информации», двоюродный правнук П.И. Чайковского (Москва)

Двоскина Елена Марковна

музыковед, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Сектора истории музыки Государственного института искусствознания (Москва)

Егорова Марина Алексеевна

музыковед, кандидат искусствоведения, доцент Московского государственного института имени А.Г. Шнитке (Москва)

Ермолаева Татьяна Николаевна

свободный исследователь (Великобритания)

Иоффе Элхонон

музыковед, библиограф, свободный исследователь (США)

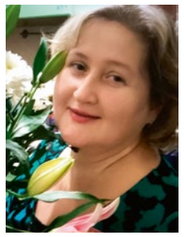
Комаров Александр Викторович

музыковед, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела документов и личных архивов Российского национального музея музыки и старший научный сотрудник Отдела истории музыки Государственного института искусствознания (Москва)

Куряков Иван Александрович

координатор проектов Международного Благотворительного фонда П.И. Чайковского, Генеральный директор АНО Филармонии «Высочайшее Филармоническое Общество», Статс-секретарь Евразийского Совета Композиторов и Музыкальных деятелей

Лисенко Ирина Юрьевна



музыковед, кандидат культурологии, учитель музыки ГБОУ «Школа 2097» (Москва)

Макарова Антонина Леонидовна

музыковед, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории музыки Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского (Екатеринбург)

Мекк Денис Андреевич фон

коллекционер, потомок родов фон Мекк и Чайковских, смотритель виртуального музея www.von-meck.info, (Москва)

Метлякова Маргарита Владимировна

научный сотрудник Государственного мемориально-архитектурного комплекса «Музей-усадьба П.И. Чайковского» (Воткинск, Удмуртская Республика)

Моисеев Григорий Анатольевич

музыковед, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (Москва)

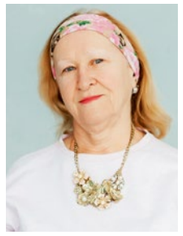
Мукосей Борис Владимирович

музыковед, архивист, заведующий Архивом нотной библиотеки оркестра Большого театра России (Москва)

Николаева Анна Юрьевна

вице-президент «Фонда А.Н. Скрябина», заслуженный работник культуры Российской Федерации (Москва)

Павлунина Людмила Федоровна



искусствовед, куратор выставок современного искусства, член секции искусствоведения и критики ТСХР, Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (Ижевск, Удмуртская Республика)

Петров Даниил Рустамович

музыковед, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, старший научный сотрудник Отдела музыки Государственного института искусствознания, член научно-редакционного совета Академического полного собрания сочинений П.И. Чайковского (Москва)

Петухова Светлана Анатольевна

музыковед, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела музыки Государственного института искусствознания (Москва)

Раку Марина Григорьевна

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания (Москва)

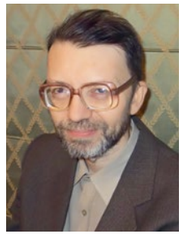
Сквирская Тамара Закировна

музыковед, кандидат искусствоведения, ведущий библиотекарь и лектор Михайловского театра, член научно-редакционного совета Академического Полного собрания сочинений П.И. Чайковского (Санкт-Петербург)

Скрябин Александр Серафимович

президент «Фонда А.Н. Скрябина» (Москва)

Тумаринсон Леонид Леонидович



исследователь, архивист (Москва)

Шабшаевич Елена Марковна

доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры философии, истории, теории культуры и искусства Московского государственного института музыки имени А.Г. Шнитке, старший научный сотрудник Научно-издательского центра «Московская консерватория» (Москва)

Щербакова Мария Николаевна

музыковед, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, начальник отдела нотных фондов Государственного академического Мариинского театра, член научно-редакционного совета Академического Полного собрания сочинений П.И. Чайковского (Санкт-Петербург)

Щербак Иван Андреевич

заместитель Генерального директора Ассоциации лауреатов Международного конкурса имени П.И. Чайковского (Москва)

Петр Ильич Чайковский. 1893 год...

19/31 декабря 1892 года **БАЗЕЛЬ**	Чайковский на пути в Монбельяр. Из письма к М.И. Чайковскому 19/31 декабря 1892 г.: *«Нет ничего не хочется писать, кроме слезных излияний. Поистине изумительно, что я не схожу с ума и не заболеваю от феноменальной, чудовищной тоски. [...] Завтра я еду в Montbeliard и, признаюсь, с каким-то болезненным страхом, почти ужасом, точно в область смерти и давно исчезнувших со сцены мира людей».*
20–21 декабря 1892 г./ **1–2 января 1893 г.** **МОНБЕЛЬЯР**	Встреча через 44 года со своей первой воспитательницей Фанни Дюрбах. Из письма к М.И. Чайковскому 24 декабря 1892 г. / 5 января 1893 г.: *«Впечатление я вынес необыкновенно сильное и странное, волшебное: точно будто на 2 дня перенесся в сороковые годы. Fanny страшно моложава, похожа на прежнюю как 2 капли воды, и так как она положительно только и живет воспоминаниями о Воткинске и относится к далекому прошлому на манер сестрицы, – то оно ожило в моей памяти с поразительной реальностью. Рассказам не было конца. Я видел массу своих тетрадей, сочинений, даже рисунок аптеки. Она прочла мне много писем мамаши, Зины, Лиды (!!! на отличном французском языке), моих собственных, Колиных, Веничкиных и т.д. В особенности ценны письма мамаши. Все это она мне завещала, а покамест подарила одно мамашино письмо [...] Fanny не сделала при приходе моем никаких сцен, не плакала, не удивлялась моей перемене, – а просто, точно будто мы только что расстались. Но в оба дня, перебирая старые воспоминания и читая письма, мы оба постоянно удерживались от слез».* Из письма к А.И. Чайковскому 4/16 января 1893 г.: *«Побывал у Mlle Fanny в Монбельяре, и посещение произвело на меня сильнейшее впечатление. Свидеться после 44 лет разлуки с некогда любимым и близким человеком, помнящим прошедшее, как будто все вчера происходило – это нечто очень небывалое».*
22–28 декабря 1892 г./ **3–9 января 1893 г.** **ПАРИЖ**	Из письма к А.П. Мерклинг 31 декабря 1892 г./ 12 января 1893 г.: *«Провел затем несколько дней в Париже, довольно сносно».* Из письма к В.Э. Направнику 4/16 января 1893 г.: *«Перед Брюсселем я прожил целую неделю в Париже, избегая знакомых и стараясь всяческими средствами заглушить снедающую меня тоску».*
30 декабря 1892 г. – **1 января 1893 г./** **11–13 января 1893 г.** **БРЮССЕЛЬ**	Репетиции предстоящего концерта.
2/14 января 1893 г. **БРЮССЕЛЬ**	Проводит утреннюю репетицию, вечером дирижирует концертом из собственных сочинений. В программе: Сюита № 3 соч. 55; Концерт № 1 для фортепиано с оркестром соч. 23 (Солист – Ф. Руммель); Сюита из балета «Щелкунчик» соч. 71а; Серенада для струнного оркестра соч. 48 (ч. II, III); Торжественная увертюра на освящение храма Христа-Спасителя «1812 год» соч. 49. Из письма к В.Э. Направнику 4/16 января 1893 г.: *«Я вчера вернулся из Брюсселя, где суета, сопряженная с репетициями, концертами, знакомствами и т.д., не давала мне ни минуты досуга. Концерт имел блестящий успех. Оркестр был большой и очень хороший, но вследствие привычки играть с рутинным плохим капельмейстером – не привыкший соблюдать нюансы, так что добиться от них p и pp было невероятно трудно».* Из письма к Е.И. Ларош 7/19 января 1893 г.: *«Брюссельский концерт прошел очень удачно, но я невероятно скучал там и боролся с желанием плюнуть и удрать».*
3–8/15–20 января **ПАРИЖ**	После концерта в Брюсселе по пути в Одессу Чайковский останавливается в Париже. Из письма к В.Л. Давыдову 4/16 января: *«Дорогой! Письмо твое я получил приехавши в Брюссель, но там писать не было никакой возможности. Вернулся оттуда вчера вечером, а третьего дня состоялся очень блестящий концерт мой. Хвалиться, однако ж, веселым настроением духа не могу. Напротив, оно все время скверное, хотя изменяется характер этой скверности смотря по обстоятельствам: то просто тоска по родине, то волнения от репетиций и концерта, то утомление от знакомств и разговоров, то разочарование в себе, то страх за будущее и т.д., и т.д. Но при всем этом я совершенно здоров, сплю великолепно и только изредка бываю расстроен до потери аппетита. Во всяком случае в Париже мне лучше, чем где-либо за границей».* Из письма к Е.И. Ларош 7/19 января: *«... 3 дня тому назад приехал в Париж, в коем тщетно пытался сохранить инкогнито. Это не удалось, и меня теперь одолевают отчасти туземцы, отчасти же соотечественники. Завтра удираю, но увы не в Клин, а в Одессу».*

12/24 января **ОДЕССА**	Посещает спектакль в оперной антрепризе И.Н. Грекова (опера А.Г. Рубинштейна «Демон»).
13/25 января **ОДЕССА**	Репетиция оперы «Пиковая дама» в оперной антрепризе И.Н. Грекова в присутствии автора. Начало работы художника Н.Д. Кузнецова над портретом Чайковского. Из письма к В.Е. Маковскому 27 января / 9 февраля: *«... познакомился с художником Н.Д. Кузнецовым, который пожелал написать мой портрет, что он и исполнил, как говорят другие и как мне кажется самому, необыкновенно удачно».*
14–15/26–27 января **ОДЕССА**	Проводит оркестровые репетиции предстоящего концерта. Из письма к В.Э. Направнику 15/27 января: *«Моя тоска прошла, но тем не менее я жду не дождусь, когда кончится это путешествие. Здесь меня всячески честят, – но до того раздирают на клочки, что я устаю до умопомрачения. Оркестр ничего себе. Были две репетиции, завтра третья и первый концерт[...]».*
16/28 января **ОДЕССА**	Дирижирует собственными сочинениями в 1-м симфоническом собрании Одесского отделения ИРМО на сцене Оперного театра. В программе: Фантазия «Буря» соч. 18; Andante cantabile (Авторское переложение II ч. из Квартета № 1 соч. 11); Вариации на тему рококо для виолончели с оркестром соч. 33 (Солист – В.Ф. Алоиз); Сюита из балета «Щелкунчик» соч. 71а. Газета «Новороссийский телеграф» 18/30 января: *«Первое симфоническое собрание, в котором кроме концерта для фортепиано исключительно исполнялись произведения Петра Ильича Чайковского, под его же управлением прошло блестяще, с тем ансамблем, которого надо было ожидать, и привело публику в неописуемый восторг. Да и было от чего! Наверно можно сказать, что на таком празднике одесситам не случалось присутствовать, и вечер этот навсегда останется памятен тем, кому удалось попасть в наш чудесный Городской театр, сиявший огнями и сверху до низу наполненный публикой. Оркестр оперный, усиленный, делал чудеса под магическими взмахами дирижера-художника, который страшно много поработал над ним за последние дни, и слушая этот ансамбль, удивительный блеск и оттенки, начиная с громового forte до едва слышного piano, думалось нам, как хорошо было бы городу иметь такой оркестр всегда, как легко возможно давать оперы Вагнера, все оперы новой школы, как благотворно такое исполнение отозвалось бы на нашем музыкальном образовании и заставило бы равнодушных к искусству одесситов полюбить музыку... Но что такое даже самый лучший оркестр? Это тело без души, а душу эту вдохнуть в него может только такой великий художник, каким предстал перед нами знаменитый Чайковский»).* Из газеты «Одесские новости» 18/30 января: *«Появившийся на сцене герой вечера – знаменитый композитор – сразу приковал к себе внимание всех зрителей. Его красивое умное лицо, полное энергии, заставляло чувствовать, что перед вами великий талант, могущественный гений. При первых же аккордах оркестра, смотря на благородную скромную и вместе с тем энергичную манеру дирижировать, нам невольно хотелось воскликнуть, "господа, местные дирижеры, вот у кого поучитесь, как себя держать при управлении оркестром!". И с каким вниманием публика слушала музыку!»*
17–18/29–30 января **ОДЕССА**	Присутствует на репетициях оперы «Пиковая дама». Слушает концерт скрипача-вундеркинда Кости Думчева.
19/31 января **ОДЕССА**	Присутствует на премьерном спектакле оперы «Пиковая дама» в антрепризе Грекова на сцене Оперного театра. Принимает подарки, среди которых преподнесенное Грековым первое издание переложения оперы «Пиковая дама» для пения и фортепиано (П. Юргенсон, Москва, ц.р. 2 июня 1890.); в серебряном переплете, в футляре с монограммой «П.Ч.»; на задней крышке переплета – накладные (серебро, цветная эмаль) изображения трех карт: тройка треф, бубновая семерка и туз пик; ниже выгравировано стихотворное приветствие И.Н. Грекова Чайковскому.
20 января / 1 февраля **ОДЕССА**	Снимается в фотоателье В.Г. Чеховского. Присутствует на ученическом вечере Одесского отделения ИРМО и на парадном ужине, устроенном в его честь.
21 января / 2 февраля **ОДЕССА**	Чествование в Английском клубе. Композитор дирижирует Andante cantabile (II ч. из Квартета № 1 соч. 11) в Благотворительном спектакле в пользу недостаточных учеников Ришельевской гимназии.
22 января / 3 февраля **ОДЕССА**	Дирижирует любительским оркестром Народной аудитории на благотворительном концерте в пользу Славянского общества в Одессе. В программе: Элегия памяти И.В. Самарина для струнного оркестра; Andante cantabile из Первого квартета и Вальс из Серенады для струнного оркестра. Правление Народной аудитории преподнесло композитору серебряную кружку, на которой выгравированы слова Н.А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ».

23 января / 4 февраля
ОДЕССА

Дирижирует во 2-м симфоническом собрании Одесского отделения ИРМО на сцене Оперного театра.
В программе: А.П. Бородин. Симфония № 1 Es-dur; Г.В. Эрнст. Концерт для скрипки с оркестром соч. 23 (солист – К.А. Гаврилов); П. Молчанов. Скерцо для оркестра; Чайковский. Торжественная увертюра на освящение храма Христа-Спасителя «1812 год» соч. 49; Ф. Лист. Симфоническая поэма «Тассо».
В том же концерте впервые прозвучало сочинение С. Ментер «Венгерские цыганские напевы» для фортепиано с оркестром в инструментовке Чайковского (фортепиано – С. Ментер, дирижер – В.Л. Сапельников).

24 января / 5 февраля
ОДЕССА

Днем дирижирует собственными сочинениями в 3-м симфоническом собрании Одесского отделения ИРМО на сцене Оперного театра.
В программе: Фантазия «Буря» соч. 18; Andante cantabile (Авторское переложение II ч. из Квартета № 1 соч. 11);
Сюита из балета «Щелкунчик» соч. 71а.
В том же концерте А.П. Антоновский исполнил романсы: «Ни слова, о друг мой» соч. 6 № 2; «Серенада Дон-Жуана» соч. 38 № 1.
Вечером присутствовал на четвертом представлении оперы «Пиковая дама».

Из письма к А.П. Мерклинг 24 января / 5 февраля:
«... никогда я не испытывал ничего подобного тому, что теперь происходит. Меня чествуют здесь как какого-то великого человека, чуть не спасителя отечества, и тормошат во все стороны до того, что я не имею возможности свободно вздохнуть. Вот уже почти две недели, что я здесь, и за это время успел дирижировать в пяти концертах, сделать бесчисленное количество репетиций, съесть массу обедов и ужинов, даваемых в мою честь. Все это меня очень утомляет, но жаловаться было бы смешно, ибо в конце концов мне приятно будет вспомнить эти небывалые овации и восторги. Заметь, что кроме всего, что касается моей концертной деятельности, я еще руководил репетициями «Пиковой дамы», присутствовал на трех представлениях. Нужно благодарить бога за то здоровье, которым я, слава богу, обладаю и благодаря которому я в силах переносить подобного рода жизнь целые две недели. Одесса – очень хорошенький город, но здесь в нынешнем году зима такая же суровая, как и на севере, и потому город похож на любой северный город в зимней обстановке. Море замерзло на целые десятки верст. Говорят, что давно ничего подобного не было».

25 января / 6 февраля
ОДЕССА

Отъезд в Каменку.

Из письма к М.И. Чайковскому 28 января / 10 февраля:
«Никогда мне не приходилось уставать от дирижирования, как в Одессе, ибо мне пришлось дирижировать в 5 концертах, но зато никогда и нигде меня так не возносили, не фетировали, как там. Жаль, что ты не можешь иметь под рукой одесских газет, ты бы узнал, до чего преувеличенно Одесса относилась к моим заслугам. Много было невыносимо тяжелых часов (напр[имер], торжественный обед в Английском клубе), но много и отрадных. Если б когда-нибудь хоть десятой доли того, что было в Одессе, я мог удостоиться в столицах! Но это невозможно, да, впрочем, и не нужно. Нужно бы мне снова поверить в себя, ибо моя вера сильно подорвана; мне кажется, что я покончил свою роль».

26–31? января / 7–12? февраля
КАМЕНКА

Навещает в Каменке семью своей покойной сестры А.И. Давыдовой (урожд. Чайковской).

Из письма к А.И. Чайковскому 29 января / 10 февраля:
«Устал я от бесконечных празднеств до полной прострации. Но, поспавши сутки в вагоне, приехал в Каменку совершенно здоровым. Как я ни страдаю от подобных поездок, но, кажется, в конце концов они мне полезны. Тем не менее у меня теперь страшная потребность во временном одиночестве, а потому проеду отсюда безостановочно до Клина. В Каменку я приехал, главное, чтобы повидаться со старушками [...]. Было мне очень отрадно найти всех здоровыми и бодрыми».

1–2 / 13–14 февраля
ХАРЬКОВ

Остановка из-за внезапной болезни в Харькове.

Из письма к М.И. Чайковскому 5/17 февраля:
«Я не совсем благополучно совершил путешествие из Каменки сюда. В вагоне разболелся до того, что бредил, к ужасу пассажиров, и в Харькове пришлось остановиться. Но, как всегда, проспавшись, и приняви касторки, на другой день проснулся здоровым. [...] думаю, это была острая желудочная лихорадка. Так как вследствие остановки денег не хватило, то должен был посылать за Слатиным, дир[ектором] общ[ества], и, кажется, благодаря этому обстоятельству придется дирижировать в конце поста в Харькове».

4/16 февраля
КЛИН

Начало записи эскизов Шестой симфонии. На первой странице надпись:
«Господи, благослови!»

9/21 февраля
КЛИН

Окончание эскизов первой части Шестой симфонии и запись в рукописи на с. 19:
«Слава Тебе, Господи! Начал в Четверг 4-го Февр[аля]. Кончил во Вторник 9-го Февр[аля 18] 93 г.».

Из письма к А.И. Чайковскому 10/22 февраля:
«Я теперь весь полон новым сочинением (симфонией) и мне очень трудно отрываться от этого труда. Кажется, что у меня выходит лучшее из всех сочинений. Кончить же симфонию нужно непременно скорее, ибо у меня множество другой работы, а в перспективе еще и поездка в Лондон и Кембридж!»

11/23 февраля
КЛИН

Запись на с. 33 в тетради эскизов Шестой симфонии:
«Сегодня 11 февр. уезжаю. Когда вернусь первое дело сочинить конец [...]».

Из письма к В.Л. Давыдову 11/23 февраля:
«Хоть бы ты плюнул на почтовую бумагу и прислал мне в конверте! Ноль внимания! Ну, бог с тобой, а мне хотелось хоть несколько букв от тебя получить.
Сегодня уезжаю вечером в Москву. 14-го будет концерт; 15-го я еду в Нижний Новгород дня на 3 и оттуда прямо поеду в Петербург, следовательно, приблизительно в конце 2-й недели появлюсь у вас.
Мне хочется сообщить о приятном состоянии духа, в коим нахожусь по поводу моих работ. [...] Во время путешествия мне явилась мысль другой симфонии, на этот раз программной, но с такой программой, которая останется для всех загадкой, – пусть догадываются, а симфония так и будет называться: Программная симфония (№6); Symphonie à Programme (№6); Programm-Symphonie (№6). Программа эта самая что ни на есть проникнутая субъективностью, и нередко, во время странствования, мысленно сочиняя ее, я очень плакал. Теперь, возвратившись, стал писать эскизы, и работа пошла так горячо, так скоро, что менее чем в 4 дня у меня совершенно готова была первая часть и в голове уже ясно обрисовались остальные части. Половина третей части уже готова. По форме в этой симфонии будет много нового, и, между прочим, финал будет не громкое аллегро, а наоборот, самое тягучее adagio. Ты не можешь себе представить, какое блаженство я ощущаю, убедившись, что время еще не прошло и что работать еще можно. Конечно, может быть, я и ошибаюсь, но кажется, что нет. Пожалуйста, кроме Модеста никому об этом не говори ...».

12/24 февраля
МОСКВА

Репетиция предстоящего концерта.

14/26 февраля
МОСКВА

Дирижирует собственными сочинениями в Экстренном симфоническом собрании Московского отделения ИРМО в пользу вдов и сирот артистов.
В программе: Увертюра-фантазия «Гамлет» соч. 67; Концертная фантазия для фортепиано с оркестром соч. 56 (Солист – С.И. Танеев); Сюита из балета «Щелкунчик» соч. 71а.

17–19 февраля / 1–3 марта
НИЖНИЙ НОВГОРОД

Гостит у младшего А.И. Чайковского

25 февраля / 9 марта
МОСКВА

Посещает 9-е Симфоническое собрание Московского отделения ИРМО под управлением В.И. Сафонова, в котором впервые исполняется сюита Г.Э. Конюса «Из детской жизни».

Из письма в редакцию газеты «Русские ведомости» 26 февраля / 10 марта:
«Вчера 25-го февр[аля], в сфере московск[ой] музыки совершился факт, который мне хочется отметить как можно осязательнее. В концерте и[мператорского] Р[усского] м[узыкального] общ[ества] в первый раз была исполнена сюита «Из детской жизни» соч. Г.Э. Конюса, молодого композитора, и прежде уже заявившего себя с наилучшей стороны, но на этот раз выказавшего такую силу таланта, такую симпатичную и оригинальную творческую индивидуальность, такое редкое сочетание богатой изобретательности, исключительности, теплоты с превосходной техникой, что этому молодому человеку можно предсказать великую будущность».

27 февраля / 11 марта
МОСКВА

Вместе с Э.Ф. Направником и С.И. Танеевым слушает детский оркестр А.А. Эрарского. С.В. Рахманинов дарит Чайковскому издания своих фортепианных пьес соч.3.

28 февраля / 12 марта
КЛИН

К композитору обращается его двоюродный брат А.П. Чайковский, командир 98-го Юрьевского пехотного полка, с просьбой сочинить «полковую музыку».

3/15 марта
КЛИН

Завершает сочинение вокального квартета «Ночь» на темы В.А. Моцарта.

Помета в рукописи:
*«Посвящается Елизавете Андреевне Лавровской. Ночь. Квартет для сопрано, альта, тенора и баса. Слова N*** N***. Музыку заимствовал из фантазии №4 Моцарта и аранжировал П. Чайковский 3 марта 1893. Клин».*

7/19 марта
МОСКВА

Дирижирует в концерте Э.Ф. Направника своей Сюитой из балета «Щелкунчик» соч. 71а.

Из письма к М.И. Чайковскому 8/20 марта:
«Концерт его [Направника – *А.А.*] *прошел вчера удачно, – но сбор неважный. Нам обоим поднесли серебряные венки».*

9/21 марта
МОСКВА

Убийство московского городского головы Н.А. Алексеева.
Из письма к А.И. Чайковскому 24 марта/5 апреля:
«На меня это произвело удручающее впечатление. Не думаю, чтобы кто-нибудь из чужих столько пролил слез о бедном Николае Александровиче [Н.А. Алексееве – *А.А.*], *как я. Я ведь был не особенный охотник до него в частной жизни, но преклонялся перед его великими дарованиями».*

10/22 марта
МОСКВА

Отъезд в Харьков.

11/23 марта
ХАРЬКОВ

Посещает спектакль в оперном театре (опера Дж. Верди «Риголетто»).

11–13/23–25 марта
ХАРЬКОВ

Репетиции предстоящего концерта.

14/26 марта
ХАРЬКОВ

Обед в честь Чайковского, устроенный музыкальной общественностью Харькова
Дирижирует собственными сочинениями в Симфоническом собрании Харьковского отделения ИРМО.
В программе: Фантазия «Буря» соч. 18; Концерт для скрипки с оркестром соч. 35 (Солист – К.К. Горский); Ариозо Лизы из оперы «Пиковая дама» соч. 68 (Солистка – С.В. Тамарова); Симфония № 2 соч. 17; Торжественная увертюра на освящение храма Христа-Спасителя «1812 год» соч. 49.

Из воспоминаний скрипача И.Е. Букиника:
«Петр Ильич во фраке с белым галстуком вошел на эстраду незаметно, скромно и стал пробираться к своему месту. [...] Публика зааплодировала, кричала "ура, браво, привет великому композитору, привет нашему гостю", и все аплодировали и аплодировали. Оркестр, стоя, и хор исполнили "Славу" из первого акта оперы "Мазепа". Приветствия публики не прекратились после "Славы" и весь зал и эстрада – всё было обращено к Петру Ильичу, который стоял около дирижерского пульта, немного бледный, опираясь рукой на стул, и смотрел прямо перед собой. Несколько раз он поклонился, и это вызвало еще большее приветствие. Наконец, он поднялся на подмостки своего пульта, в зале стало тише, мы приготовились уже играть, но оказалось, что до начала концерта еще далеко. Вдруг на эстраду поднялся член музыкального общества Велитченко и прочел адрес Петру Ильичу от имени дирекции музыкального общества. Адрес этот публика, оркестр и хор выслушали стоя. [...] приветствия и овации продолжались в течение всего концерта и достигли наибольшей силы по окончании увертюры "1812 год"».

Из воспоминаний И.А. Клименко:
«Концерт происходил днем (начало в 1 час дня), восторги публики неописуемы; торжество Пети такое грандиозное, что я едва смел в тот день признаться себе в том, что это близкий мне друг, — такая бездна разделяла меня — скромного, простого смертного от него — героя дня! Значение торжества, которого я был свидетелем, усиливалось еще и тем, что оно было данью не только великому художнику, но и обаятельному своей добротой, своею воспитанностью и сердечностью ко всем человеку. В концерте поднесли Пете, кроме венков и корзин с цветами (которые значительно были тут же ощипаны дамскими ручками), серебряную лиру; сия последняя была, кажется, поднесена от местного отделения Муз[ыкального] об[щест]ва. (В скобках замечу: я думал, что весь огромный сбор с концерта поступит целиком в пользу Пети; но я, с гордостью за своего благородного друга, узнал от него лично, что он, получив от Муз[ыкального] об[щест]ва приглашение дать концерт из его собственных произведений, принял это приглашение за честь, оказанную ему об[щест]вом, и что концерт не только не даст ему ничего, но и обойдется ему лично, вероятно, около 400 рублей (помнится, что он сделал в пользу музыкальных классов немалый денежный взнос от себя лично».

Снимается в фотоателье А.К. Федецкого.
Посещает обед, в свою честь, устроенный музыкальной общественностью Харькова.

15/27 марта
ХАРЬКОВ

Присутствует на музыкальном утре, устроенном в его честь в музыкальном училище Харьковского отделения ИРМО.

16/28 марта
ХАРЬКОВ

Отъезд в Клин.

18/30 марта
КЛИН

Возвращение в Клин, продолжение работы над эскизами Шестой симфонии.

Из письма к М.И. Чайковскому19/31 марта:
«Вчера вечером приехал из Харькова домой. В Харькове бесконечные чествования, так что очень устал. Впрочем, было очень хорошо и успех почти такой же, как в Одессе. На возвратном пути в Москве останавливался лишь на несколько часов. Здесь нашел настоящую зиму; впрочем, и у Вас я думаю, немногим лучше. Эти дни займусь доканчиванием скиццев к финалу и скерцо симфонии».

24 марта/5 апреля
КЛИН

Окончены эскизы Шестой симфонии. Сочиняет военный марш, посвященный 98-му Юрьевскому пехотному полку.
Запись в тетради эскизов на с. 71:
«Господи, Благодарю Тебя! Сегодня, 24 Марта кончил черновые эскизы вполне!!!».

Из письма к М.М. Ипполитову-Иванову 24 марта / 5 апреля:
«Я неимоверно катался всю эту зиму, т.е. собственно с октября я не живу оседлой, а исключительно кочевой жизнью. Впрочем, урывками бывал и дома. Не знаю, писал ли я тебе, что у меня готова была симфония и что вдруг я в ней разочаровался и разорвал ее. Теперь во время этих урывков, я успел сочинить новую, и эту, наверное, не разорву. У меня также имеются скиццы фортепианного концерта и план занятия в близком будущем мелкими пьесками для ф[орте]п[иано]. В половине мая еду в Лондон дирижировать в филармонии и потом Кембридж, где меня будут посвящать в доктора музыки».

25 марта/6 апреля
КЛИН

Отсылает А.П. Чайковскому обещанный военный марш для 98-го Юрьевского полка в г. Двинск, где тогда находился полк.

Из письма к А.П. Чайковскому 25 марта / 6 апреля:
«Согласно обещанию, посылаю тебе марш. Оркестровать его придется твоему капельмейстеру, ибо я состава подведомственного ему оркестра не знаю. Я посылаю голое фортепианное переложение; пусть оркеструет полно и, если нужно, шумно, – но прошу ничего в сущности не прибавлять и не менять, т.е. гармония и мелодия должны остаться неприкосновенны».

Отъезд в Санкт-Петербург.

26 марта – 4 апреля/
7–16 апреля
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Проводит с родными Пасхальные дни. Совместно с Г.А. Ларошем и Н.А. Римским – Корсаковым участвует в жюри конкурса на написание квартета, организованного Санкт-Петербургским квартетным обществом.

28 марта/9 апреля
С.-ПЕТЕРБУРГ

Отправляет Б.П. Юргенсону, сыну П.И. Юргенсона, друга и основного своего издателя рукопись партитуры квартета «Ночь» для певцов с оркестром, инструментованного С.И. Танеевым.

Помета на рукописи:
«Борис Петрович! Посылаю тебе инструментовку квартета "Ночь", сделанную С.И. Танеевым. Думаю, что весьма не мешало напечатать ее и голоса.
П. Чайковский. 28 марта 93 г.».

Кабинет-гостиная в доме П.И. Чайковского

5–20 апреля /
17 апреля – 2 мая
КЛИН

Возвращение из Санкт-Петербурга. Работа над пьесами для фортепиано соч. 72 и романсами соч. 73 на стихи Д.М. Ратгауза.

Из письма к И.И. Слатину 5/17 апреля:
«Праздники провел в Петербурге с родными очень приятно. Сегодня вернулся и собираюсь приняться за сочинение целой серии мелких пиэс».

Из письма к В.Л. Давыдову 11/23 апреля:
«Шутки в сторону, мне ужасно хочется быть в эту минуту в Петербурге и с тобой поговорить. И вообще я, по правде сказать, все это время скучаю и постоянно стремлюсь душой на северо-запад, к берегам Невы. Задачу свою исполняю пока аккуратно: каждый день рожаю по музыкальному чаду [пьесы для фортепиано соч. 72 и романсы соч. 73 – *А.А.*]. *Чада эти весьма скороспелые и неважные: у меня нет никакой охоты их творить, а творю я для денег. Стараюсь только, чтобы не слишком скверно выходило».*

Из письма к А.И. Чайковскому 13/25 апреля:
«Я положил себе в течение приблизительно месяца писать ежедневно по пиэсе или романсу [пьесы для фортепиано соч.72 и романсы соч. 73 – *А.А.*]. *Это я делаю ради денег, в коих крайне нуждаюсь. До сих пор аккуратно зарабатываю в день по сотне рублей, – но нужно еще много дней продолжить так же, дабы составилась нужная сумма. Я продолжаю желать посетить Вас до отъезда в Англию, – но когда еще не могу сказать. Я жду точного известия о дне, когда мне нужно прибыть в Лондон, и сообразно с этим обстоятельством решу насчет поездки в Нижний».*

Из письма к В.Л. Давыдову 15/27 апреля:
«Продолжаю печь мои музыкальные блины [пьесы для фортепиано соч.72 и романсы соч. 73 – *А.А.*]. *Сегодня печется десятый. Замечательно, что чем дальше, тем легче и охотнее я занимаюсь этим делом. Сначала шло туго, и первые две-три вещи суть продукт напряжения и воли, а теперь я не успеваю справиться с мыслями, которые одна за другой во всякие минуты дня мне являются. Так что, если бы и я, и мой издатель могли: я – прожить безвыездно в деревне, а он – всю эту массу нот издать и гонорар уплатить, то, работая à la Лейкин, я в один год мог бы нажить 36 тысяч с половиной!!! Недурно бы».*

17/29 апреля
КЛИН

В поисках сюжета для будущей оперы, отказывается от сценария оперы «Ундина», написанного М.И. Чайковским.

Из письма к М.И. Чайковскому 17/29 апреля:
«Бедный Модинька! Хоть очень печально, но должен разочаровать тебя. Либретто распланировано великолепно; все главное, все удобовыкраиваемое выкроено, – поэзия, сколько возможно, сохранена, нет ничего лишнего, многое придумано тобой помимо Жуковского тоже очень эффектно! И все-таки я не могу написать «Ундины».
Причин несколько. Во-1-х, как ни ловко ты сделал сценариум, а все-таки многое из того, что особенно пленяет меня в поэме, не вошло в него, напр[имер]: поездка в фуре, забивание колодца и другие подробности (у тебя нет симпатичного патера); а то, что вошло, в иных местах вследствие необходимости сценической перестало быть в полной мере поэтическим. Напр[имер], сцена, когда она его уплакивает, для меня невозможна иначе, как в спальне, у постели, наедине. Вся прелесть пропала оттого, что у тебя это при всех, на площади. Оно может быть эффектно, но уж меня больше не пленяет. А разве можно поместить в сценарии то, что в последний раз, когда я читал "Ундину", заставило меня плакать особенно? Я говорю о том, как при погребении рыцаря она обратилась в ручеек и обвила собой могилу, чтобы никогда не расставаться с дорогим прахом.
Одним словом, я хочу сказать, что, несмотря на все твое искусство, "Ундина", т.е. та, которая меня восхищает и трогает невозможна на сцене. А что касается условной, оперной, более или менее опрозаиченной "Ундины", то ведь одну оперу на этот сюжет я уже написал. И это главная причина, почему я не могу взять ее опять сюжетом для оперы».

Дом в Клину Московской губернии, где последний год жизни провел П.И. Чайковский.

22 апреля / 4 мая
МОСКВА

Присутствует в Большом театре на репетиции экзаменационного ученического спектакля Московской консерватории (сцена 1, д. II оперы К.В. Глюка «Орфей», опера Д. Чимарозы «Тайный брак»).
Посещает вместе с Н.Д. Кашкиным и Ю.И. Поплавским Малый театр (пьеса В. Сарду «Граф де Ризоор»).
Работает над пьесами для фортепиано соч. 72 и романсами соч. 73 на стихи Д.М. Ратгауза.

Из письма к М.И. Чайковскому 22-23 апреля / 4-5 мая:
«Увы, милый Модя, кажется, 30 пиэс мне не написать. В 15 дней я написал только 18 [цикл 18 пьес для фортепиано соч. 72 – *А.А.*] *и сегодня привез их в Москву.* [...]
Был вчера на репетиции консерваторского спектакля. Шли 2-ой акт из "Орфея" и "Matrimonio segretto" [опера Д. Чимарозы "Тайный брак" – *А.А.*]. *"Орфей" прошел неважно, но опера Чимарозы, которая восхитительна, безусловно, была исполнена бесподобно. Все исполнители – ученики и ученицы Лавровской, которая показала, что она превосходная учительница.*
Потом обедал в Эрмитаже, а вечер провел в Малом театре с Поплавским и Кашкиным. Давали "Patrie": несмотря на эффекты, очень французская пиэса, и если бы не Ермолова, которая просто божественно хороша, – было бы скучно. Потом опять был в Эрмитаже с большой компанией, ел, пил, играл в карты и вернулся в 4 часа. Странно провести такой день после клинской правильной и тихой жизни. Половину одного из 18 романсов уже истратил».

27 апреля / 9 мая
МОСКВА

Присутствует на премьере оперы С.В. Рахманинова «Алеко» в Большом театре.

Из письма к А.И. Зилоти 3/15 мая:
«Слышал консерваторский спектакль (очень удачный) и Сережину оперу. Она прелестна и в высшей степени симпатична. Мне очень также нравятся его фортепианные пиэсы, особенно Прелюдия и M'élodie».

28 апреля / 10 мая
МОСКВА

Отъезд в Нижний Новгород.

28 апреля / 10 мая
НИЖНИЙ НОВГОРОД

Гостит у младшего брата А.И. Чайковского.

Из письма к И.И. Слатину 3/15 мая:
«Был также в Нижнем Новгороде у брата и восхищался разливом Оки и Волги».

2/14 мая
МОСКВА

Возвращение из Нижнего Новгорода. По пути в Клин задерживается в Москве, посещает тяжелобольного друга, виолончелиста, хорового дирижёра, педагога и композитора К.К. Альбрехта. Обсуждает с П.И. Юргенсоном гонорар за издание цикла из 18 пьес для фортепиано соч. 72.

Из письма к П.И. Юргенсону 2/14 мая:
«Я имел в виду получить прежний гонорар, т.е. 100 р[ублей] за нумер. Собственно, ввиду многих предложений высшего, чем этот, гонорара (честное слово, правда!) можно бы было надбавить цену, – но я не могу забыть, что ты издаешь мои крупные вещи, которые еще Бог знает окупятся ли. Итак, оставим прежний гонорар, и то хорошо, а вот жалко, что времени не хватило написать побольше.
Был я у Карлуши [Альбрехта – *А.А.*]. *По-моему, он умирает. Пожалуйста, в случае катастрофы или вообще, в случае нужды не отказывай Анне Леонтьевне в помощи из моих настоящих или будущих денег. Пока я в отсутствии, – ты единственный в Москве близкий приятель его и поэтому, пожалуйста, голубчик, замени и меня и окажи бедному больному всяческую поддержку».*

5/17 мая
КЛИН

Окончание сочинения Шести романсов соч. 73 на стихи Д.М. Ратгауза.

Из письма к Д.М. Ратгаузу 5/17 мая:
«Спешу Вас уведомить, что только что написал шесть романсов на Ваши стихотворения. В непродолжительном времени они будут напечатаны».

Из письма к П.И. Юргенсону 5/17 мая:
«Я нарочно остался дома лишний день, чтобы успеть переписать еще один опус, а именно 6 романсов. На днях их привезет тебе Алексей. Он явится к тебе с записочкой, по которой потрудись уплатить ему сразу громадную сумму:1000 р[ублей]сер[ебром]. Мне жаль, что должен разом грабить тебя на такие огромные суммы, – но другого исхода из моих затруднений нет, а долго оставаться должным Алексею не люблю. Зато на заграницу больше денег у тебя не возьму.
Если во время моего отсутствия будут награвированы пиэсы для ф[орте]п[иано], то пусть кто хочет сделает корректуру 1^ую и 2^ю; третью же необходимо должен сделать я сам. То же самое и насчет романсов».

Посылает А.П. Чайковскому, дописанную по его просьбе, среднюю часть (трио) для Военного марша, посвященного 98-му Юрьевскому пехотному полку со следующей припиской: *«Голубчик Андрюша! Я на основании твоих слов, что нужно всего 3 колена, не написал trio для марша, теперь, узнав, что оно нужно, спешу послать. Крепко обнимаю тебя».*

Отъезд в Санкт-Петербург.

9/21 мая
С.-ПЕТЕРБУРГ

Вечер у Н.А. Римского-Корсакова. А.К. Глазунов дарит издание партитуры своего «Торжественного марша» соч. 40 со следующей надписью:
«Дорогому Петру Ильичу от преданнейшего и наилюбящего его автора. 9 мая 1893».

Из воспоминаний Н.А. Римского-Корсакова:
«Вечером... были Чайковский, Беляев, Глазунов, Лядов, Ястребцов, Соколов и Трифонов. С Чайковским у меня был, между прочим, разговор о бывшем дня за два перед тем заседании Спб. Отделения Муз[ыкального] общества, на которое были также приглашены я, Ауэр, Соловьев и Ларош, хотя к дирекции мы не были причастны. Прения шли о выборе дирижера для концертов Муз[ыкального]общества в будущем сезоне, причем я указал на Чайковского. Мое предложение было принято, и дирекция обратилось уже с просьбой к Чайковскому, который пока еще колебался».

13/25 мая
С.-ПЕТЕРБУРГ

Отъезд за границу.

15/27 мая
БЕРЛИН

Остановка на пути в Лондон. Посещает Берлинский зоопарк.

Из письма к В.Л. Давыдову 15/27 мая:
«На этот раз, вероятно оттого, что слишком часто вспоминал наше прошлогоднее путешествие, я тосковал, страдал и плакал больше, чем когда-либо. Просто психопатия какая-то. И до чего мне ненавистна жел[езная] дорога, вагонный воздух, спутники!!! Мысль, что из Лондона я бы кратчайшим путем проехал бы в Россию и надолго засел бы в Клину, была бы теперь для меня утешением».

Из письма к М.И. Чайковскому 15/27 мая:
«Не буду описывать моего путешествия, а также умолчу о теперешнем состоянии духа. Было хуже, чем когда-либо, лишь теперь, после двухчасовой прогулки по Тиргартену, стало немного лучше».

17/29 мая
ЛОНДОН

Приезд в Лондон. Посещает сольный концерт пианиста Л. Дьемера.

Из письма к В.Л. Давыдову 17/29 мая:
«Не курьезно ли в самом деле, что я добровольно подвергаю себя этим пыткам? Ведь на кой мне черт все это? Несколько раз вчера во время дороги я решался все бросить и удрать, но как-то стыдно вернуться ни с чем. Вчера мои мучения дошли до того, что пропал сон и аппетит, а это у меня великая редкость. Я страдаю не только от тоски, не поддающейся выражению словом (в моей новой симфонии есть одно место, которое, кажется, хорошо ее выражает), но и от ненависти к чужим людям, от какого-то неопределенного страха и еще черт его знает чего. Физически это состояние выражается в боли в нижней части живота и в ноющей боли и слабости в ногах. Ну, конечно, это все проделывается в последний раз в жизни. Иначе как за большие деньги и на более как на три дня я никуда не буду ездить. Ведь мне еще две недели здесь торчать! Они мне кажутся вечностью. Приехал сегодня утром. Ехал кратчайшим путем на Кёльн и Остенде. Морской переезд три часа без качки. С трудом нашел комнату в своем отеле: [...] все гостиницы переполнены!!! Лондон – препротивный город: я не умею здесь ничего находить; писсуаров нет, меняльных лавок нет, шляпу по своей голове насилу нашел. Входя в гостиницу, встретился с живущим теперь здесь парижским пианистом Дьемером и, к своему удивлению, был этому ужасно рад! Все-таки старый знакомый, очень ко мне расположенный. Но вследствие этого же мне пришлось почти прямо после приезда быть на его рисайтеле [сольном концерте – *А.А.*], *т.е. дневном концерте. В том же концерте, где я дирижирую, будет участвовать и St-Saëns* [Сен-Санс – *А.А.*]. *После того побывал у устроителя концерта и сговорился насчет репетиций. Теперь спешу исполнить потребность писать к тебе. Про колебания, о которых я писал из Берлина, я уже забыл».*

20 мая / 1 июня
ЛОНДОН

Дирижирует Четвертой симфонией, соч. 36 в концерте Филармонического общества на сцене St. James's Hall.

Из письма к М.И. Чайковскому 22 мая/3 июня:
«Концерт сошел блестяще, т.е. по единодушному отзыву всех я имел триумф, так что Сен-Санс, появившийся после меня, несколько пострадал вследствие моего необычайного успеха. Это, конечно, приятно, но зато, что за наказание здешняя жизнь в сезоне! У меня уже все завтраки и все обеды разобраны, и все это у них делается необыкновенно долго».

21 мая / 2 июня
ЛОНДОН

Обед в честь Чайковского и Сен-Санса, устроенный дирекцией Филармонического общества.

Из письма к М.И. Чайковскому 22 мая/3 июня:
«Вчера мне и Сен-Сансу дирекция давала обед в Вестминстерском клубе. Шик и роскошь невероятные, но, севши в 7, мы встали в 11½ (без преувеличения)».

22 мая / 3 июня
ЛОНДОН

Посещает концерт П. Сарасате.

Из письма к М.И. Чайковскому 22 мая/3 июня:
«Кроме этого приходится ежедневно бывать на дневных концертах, ибо приходя приглашать и отказываться неловко. Напр[имер], сегодня пришлось быть у Сарасате, который ко мне удивительно мил. Трудно дать понятие о бешеном движении лондонских улиц. В прошлые разы я попадал зимой, в другую погоду, и не мог иметь настоящего понятия. Черт знает что такое!!! Париж – положительно деревня в сравнении с Лондоном. Во время катания на Риджент-стрит и в Гайд-парке столько экипажей, такая роскошь и красота запряжки, что глаза разбегаются. [...] По утрам я сильно страдаю нравственно, потом нахожусь в каком-то чаду, но мысль у меня только одна: поскорее бы все кончилось!! Я в Кембридже буду вести подробный дневник. По-видимому, история будет прекурьезная. Григ болен. Остальные все приедут».

24 мая / 5 июня
ЛОНДОН

Чайковский продолжает получать известия из Москвы о ходе работы по изданию фортепианных пьес соч. 72. Сообщает П.И. Юргенсону о своих намерениях сразу по возвращению в Россию приняться за корректуру пьес соч. 72.

Из письма к П.И. Юргенсону 24 мая/5 июня:
«Концерт Филармонического общ[ества] состоялся; я имел с 4-ой симфонией огромный успех. Жизнь здесь идет совершенно сумасшедшая, и у меня нет ни минуты покоя; особенно одолевают завтраки и обеды; все это церемонно, скучно и длинно до омерзения. Я так скучаю, так утомляюсь, что иногда так и тянет удрать, – но делать нечего: нужно выдержать эту муку до конца. Письмо, которое ты мне переслал, есть приглашение одного профессора остановиться в Кембридже у него. Я еду туда 12 [июня]/31[мая] утром рано, а 13[июня]/1[мая] к вечеру все будет кончено, и я поспешу уехать из Англии. Еду я не прямо домой, а заеду в Тироль к Ментер и в Полтавскую губ[ернию] к Модесту. Адресуй корректуры туда, ибо я там недели 3 останусь».

29 мая / 10 июня
ЛОНДОН

Знакомится с композиторами, кандидатами на звание докторов музыки «honoris causa» Кембриджского университета.

Из письма к М.И. Чайковскому 29 мая / 10 июня:
«Чертовская жизнь! Ни одной приятной минуты: только вечная тревога, тоска, страх, усталость и т. д. Но теперь уже близок час освобождения. Впрочем, справедливость требует сказать, что много милых людей и много всяческой ласки мне оказывается. Все будущие доктора, кроме больного Грига, съехались. Из них, кроме Сен-Санса, симпатичен Бойто. Зато Брух – омерзительная, надутая фигура. Послезавтра утром еду в Кембридж и жить буду не в гостинице, а в отведенной мне квартире у доктора Maitland'a, от которого имел любезнейшее пригласительное письмо. Всего проведу там одну ночь. В день приезда будет там концерт и банкет, а на другой день церемония. В 4 часа все будет кончено».

31 мая / 12 июня
КЕМБРИДЖ

Приезжает в Кембридж, поселяется у доктора Мейтланда. Дирижирует в концерте на сцене Гилдхолла из произведений композиторов, представленных на звание докторов музыки Кембриджского университета фантазией на сюжет V песни Ада из «Божественной комедии» Данте – «Франческа да Римини» соч. 36. Банкет, устроенный Музыкальным обществом университета.

Из воспоминаний К. Сен-Санса:
«И пряные прелести и ослепительный фейерверк изобилуют во "Франческе да Римини" Чайковского, этой вещи, покрытой иглами трудностей и не останавливающейся ни перед каким насилием: самый мягкий и самый приветливый из людей дал здесь волю неистовой буре и выказал не более жалости к своим исполнителям и слушателям, чем сатана к грешникам. Но так велик талант и изумительная техника автора, что осужденные только испытывают удовольствие. Длинная мелодическая фраза, песнь любви Франчески и Паоло, парит над этим ураганом, над этой "bufera infernale", которая уже ранее Чайковского соблазнила Листа и породила его симфонию "Данте". "Франческа" Листа более трогательна, имеет более итальянский характер, чем у великого славянского композитора, все произведение типичнее, в нем чувствуется профиль Данте. Искусство Чайковского утонченнее, рисунок сжатее, самый материал приятнее, с точки зрения чисто музыкальной произведение лучше; листовское более способно удовлетворить, мне кажется, художников и поэтов. В общем, оба могут жить рядом мирно; оба достойны оригинала Данте, а что касается до грохота и шума – оба одинаково безупречны».

Из письма к К.Н. Конради 3/15 июня:
«Жил я в Кембридже у профессора Мейтланда. Это меня страшно стесняло бы, если бы он, а особенно жена его не оказались самыми очаровательными людьми каких я когда-либо встречал, да еще вдобавок русофилами, что в Англии большая редкость. Теперь, когда все кончилось, мне приятно вспомнить о моем успехе в Англии и о необыкновенном радушии, с коим меня всюду принимали, но вследствие особенностей своей натуры, будучи там, я все время неистово мучился и терзался. От постоянного расстройства и напряжения нервов у меня болели сильно все время какой-то особенной болью ноги, и под конец я стал плохо спать».

1/13 июня
КЕМБРИДЖ ЛОНДОН

Торжественная церемония избрания почетными докторами «honoris causa» Кембриджского университета А. Бойто, М. Бруха, К. Сен-Санса и П.И. Чайковского.

Из письма к К.Н. Конради 3/15 июня:
«Церемония возведения в докторское достоинство и сопряженные с этим торжества будут предметом моих устных рассказов, ибо описывать их было бы слишком долго, а я ведь скоро вас всех увижу. Скажу только, что это было необыкновенно утомительно и трудно. Много курьезного, странного, объяснимого традициями еще средних веков».

Из письма к В.Э. Направнику от 3/15 июня:
«Самое торжество продолжалось целых 2 дня и состояло в 1-й день из концерта, парадного обеда и парадного раута, а во 2-ой день из церемонии возведения в докторский сан, парадного завтрака и приема у супруги канцлера. Церемония состояла в следующем. В 11½ мы собрались в особом помещении и облачились в докторский костюм, который состоит из белой мантии (шелковой), обитой пунцовым бархатом, и бархатного берета. Вместе с нами возведены в степень докторов права 4 личности, из коих один – индийский вассальный царек (раджа), имевший на голове тюрбан, украшенный драгоценными камнями на сумму нескольких миллионов, и один фельдмаршал. В ту же залу собрались все профессора и доктора университета в костюмах подобных нашему, но другого цвета. В 12 [часов] состоялась по печатному церемониалу процессия. Я шел рядом с Бойто позади Сен-Санса. Мы прошли через огромный двор на глазах у многочисленной толпы в университетский Сенат, переполненный публикой. Каждый из нас сел на приготовленное место на высокой эстраде, вышел публичный оратор (так называется господин, специальность коего – говорить речи на церемониях) и поочередно каждому из нас сказал латинскую речь, состоящую из возвеличения наших заслуг науке и искусству... Во время речи тот, в честь кого она произносится, выступает вперед и стоит неподвижно. При этом в силу средневековой традиции студенты, наполняющие хоры, свистят, пищат, поют, кричат, и на все это следует не обращать никакого внимания. После речи оратор берет доктора за руку и описывает с ним полукруг по направлению к сидящему на особом месте канцлеру. Этот берет доктора за руку и говорит ему по-латыни:"Во имя о[тца] и с[ына] и св[ятого] духа объявляю тебя доктором". Сильное пожатие руки, после коего тебя отводят на место. Когда все кончилось, процессия тем же порядком вернулась в первую залу, и через полчаса все в своих костюмах отправились на парадный завтрак, в конце коего старинная круговая чаша обходит всех гостей. Затем прием у супруги канцлера и тем все кончается».

Отъезд в Лондон.

2/14 июня
ЛОНДОН

Отъезд в Париж. Выходит номер газеты Daily Graphic с зарисовкой участников концерта в Кембридже, выполненной художником Джонсом (G.K. Jones). Чайковский изображен дирижирующим, рядом надпись:
«Tschaikovsky directing the first performance in England of his Symphony Francesca da Rimini» [Чайковский, дирижирующий первым исполнением в Англии «Франчески да Римини» – *А.А.*

3/15 июня
ПАРИЖ

Из письма к П.И. Юргенсону 3/15 июня:
«Ну, голубчик, кончились мои докторские терзания. Вчера я приехал сюда почти прямо из Кембриджа. И то, что предшествовало Кембриджу, и самое двухдневное торжество возведения в докторское звание, – все это до того меня утомило, что я и теперь еще не совсем могу опомниться. Подробности насчет Кембриджа расскажу лучше устно, при свидании, – а то вышло бы очень долго. Но в общем Кембридж, со своими колледжами, похожими на монастыри, своими особенностями в нравах и обычаях, сохранивших много средневекового, своими зданиями, напоминающими очень далекое прошлое, – производит очень симпатичное впечатление. Теперь мне приятно о нем вспоминать, – но там было и очень тяжело, и очень утомительно. Здесь я останусь дня 3 или 4, и через Швейцарию и Тироль, где погощу в замке у Ментер, проеду в Гранкино к Конради. Известен ли тебе гранкинский адрес? [...] Пожалуйста, пришли туда корректуры».

6/18 июня
ПАРИЖ

Из письма к М.И. Чайковскому 6/18 июня:
«Почти не останавливаясь в Лондоне, я приехал сюда, жаждая одиночества и спокойствия. Первые два дня тем и другим наслаждался, но теперь начинаю сильно скучать».

7/19 – 14/26 июня
ИТТЕР

Гостит у С. Ментер в замке Иттер в австрийском Тироле

14/26 июля

В Москве умирает К.К. Альбрехт, о чем Чайковский узнает по пути из Европы в Россию.

18/30 июня – 4/16 июля
ГРАНКИНО

Гостит в доме семьи Н.Г. Конради, работает с корректурами издания пьес для фортепиано соч. 72 и романсами соч. 73.

Из письма к П.И. Юргенсону 23 июня / 5 июля:
«Я здесь уже пятые сутки; из Тироля с его горами, скалами, стремнинами, ущельями и т.д. попал в голую, бесконечную степь, и нахожу, что степь в тысячу раз поэтичнее, привольнее, прекраснее. Да и жизнь в русской, хорошо устроенной усадьбе куда комфортабельнее чем пребывание в захудалом рыцарском замке.
Нашел здесь корректуры. Первые две были сделаны очень добросовестно и тщательно. Но я все-таки многое нашел требующего исправления. Нельзя ли посвящения напечатать более крупно? Ей Богу, они едва заметны; между тем ведь по большей части это ужасно ценится и причиняет много горделивой радости. Пожалуйста, если можно, прикажи!! Не нужно ли те страницы где есть поправки, еще раз просмотреть? Можно ли положиться, что все это будет исправлено и без корректуры?
О смерти Карлуши [Альбрехта – *А.А.*] *я узнал из газет по дороге сюда. Хоть я нисколько не надеялся на его выздоровление, а все же было очень печально и немало слез пролито. Какой ты милый, что оказал немедленную помощь А[нне] Л[еонтьевне Альбрехт]. Предоставляю тебе решить, вся ли сумма, выданная тобой, должна быть отнесена на мой счет или ты берешь часть на себя. Предчувствую, что ты решаешь в последнем смысле. Как хочешь. Я опять позабыл, в каком положении мой счет с тобой. Пожалуйста, пришли мне сюда 100 р[ублей] сер[ебром]».*

23 июня – 1 июля /
5–13 июля
ГРАНКИНО

Работа над эскизами Третьего концерта для фортепиано с оркестром.
Помета в рукописи на обороте л. 16:
«Конец и Богу Слава! Начал переделку Июня 23-го, кончил Июля 1-го в день отъезда Боба. Гранкино. 1 июля 93 г.»

5–15 / 7–27 июля
УКОЛОВО

Гостит вместе с М.И. Чайковским у старшего брата Н.И. Чайковского. Посещает в соседнем имении Воробьевка М.П. Шеншину, вдову А.А. Фета. Вынужден пробыть у брата дольше, чем намеревался, так как заболевает холериной.

Из письма к брату А.И. Чайковскому 6/18 июля:
«Вчера я приехал в Уколово после довольно утомительного путешествия, ибо пришлось 80 верст ехать на лошадях по жаре, да из Курска ввиду необходимости долго ждать поезда, останавливающегося в Коренной пустыне, – я предпочел нанять коляску. Но этот переезд был очень приятен, ибо местность очаровательна. [...] Благодаря обильным дождям растительность поразительно роскошна. Я останусь здесь еще дней 5 [...], и затем еду в Клин. Признаться сказать, мне невыразимо хочется поскорее быть у себя, хоть немного пожить дома. К тому же мне надо поскорее приняться за инструментовку двух новых больших произведений, т. е. симфонии (которою я очень доволен) и фортепианного концерта».

10/22 июля
УКОЛОВО

Завершены эскизы Третьего концерта для фортепиано с оркестром.
Помета в рукописи на л. 17:
«Вполне окончил черновые [эскизы] концерта в Уколово. 10 июля 1893 г. Уколово».

16–18/28–30 июля
МОСКВА

По пути в Клин останавливается в Москве. Посещает 8-й симфонический концерт в Сокольниках под управлением А.Ф. Арендса, в котором исполнялась увертюра «Ромео и Джульетта». Навещает вдову К.К. Альбрехта.

18/30 июля
КЛИН

Возвращение в Клин.

Из письма к М.М. Ипполитову-Иванову 19/31 июля:
«Наконец после месячного шатанья вчера вечером я вернулся домой. В числе 30 (!!!) писем, ожидавших меня здесь, я нашел и твое. [...] Я написал вчерне новую симфонию и фортепиан[ный] концерт. Завтра принимаюсь за инструментовку».

20 июля / 1 августа
КЛИН

Начинает оркестровку Шестой симфонии.

22 июля / 3 августа
КЛИН

Из письма к Э.Ф. Направнику 22 июля / 3 августа:
«Теперь я принялся за оркестровку симфонии. Очень рад, что могу наконец смирно сидеть у себя и отдавать большую часть времени труду, а то праздность начала тяготить меня».

Из письма к М.И. Чайковскому 22 июля / 3 августа:
«А между тем дома я могу работать как следует. Я погрузился теперь по горло в симфонию. Инструментовка чем дальше, тем труднее мне дается. Двадцать лет тому назад я валял во все лопатки, не задумываясь, и выходило хорошо. Теперь я стал труслив, неуверен в себе. Сегодня целый день сидел над двумя страницами – все что-то не то выходит, чего бы хотелось. Но все-таки работа подвигается, и, во всяком другом месте я бы не сделал бы того, что делаю дома».

28 июля / 9 августа
КЛИН

Из письма к А.П. Мерклинг 28 июля/ 9 августа:
«Работа идет. Думаю, что симфония, которую я теперь инструментовал, окажется если не лучшим, то одним из лучших моих произведений, по крайней мере давно я не был собой так доволен, как теперь».

1/13 августа
КЛИН

Из письма к С.И. Танееву 1/13 августа:
«Я теперь уже скоро кончу инструментовку третьей части симфонии, так что дня через три примусь за финал, который возьмет у меня не более трех дней. Затем должен сам сделать 4-х-ручное переложение. Быть может к твоему возвращению оно будет готово, и тогда я злоупотреблю твоей дружбой, чтобы хорошенько проиграть и отделать. Засим, может быть, в конце августа я должен буду ненадолго съездить за границу, недели на полторы, не больше. По возвращении примусь за концерт».

3/15 августа
КЛИН

Из письма В.Л. Давыдову 3/15 августа:
«Симфония (которую я намеревался тебе посвятить, но теперь раздумываю) подвигается. Я очень доволен ее содержанием, но не доволен, или лучше сказать, не вполне доволен инструментовкой. Все что-то не так выходит, как я мечтал. Мне совершенно будет обычно и неудивительно, если эту симфонию обругают или мало оценят, — ибо не впервой. Но я положительно считаю ее наилучшей и в особенности наискреннейшей из всех моих вещей. Я ее люблю, как никогда не любил ни одного из других моих музыкальных чад.
Жизнь моя лишена прелести разнообразия; по вечерам иногда скучаю, но жаловаться нечего, ибо главное дело теперь в симфонии, – а я нигде так работать, как дома, не могу».

8/20 августа
КЛИН

Из письма к А.И. Зилоти 8/20 августа:
«Я страшно утомлен от работы; представь, сам делаю 4-х-ручное переложение новой симфонии!!! Тороплюсь, ибо должен все закончить до 20 августа. В этот день еду в Петербург и оттуда на один день в Гамбург, где мне хочется прослушать "Иоланту"».

12/24 августа
КЛИН

Окончена оркестровка Шестой симфонии.

Из письма к А.И. Чайковскому12/24 августа:
«Работа моя идет очень хорошо, но я уже не могу теперь писать так скоро, как прежде, но не вследствие старческого упадка сил, а вследствие того, что я стал бесконечно строже к себе и уже прежней самоуверенности нет. Симфонией я очень горжусь и думаю, что это лучшее мое сочинение».

Из письма к С.И. Танееву 12/24 августа:
«Симфонию я кончил; осталось только выставить знаки и темпы. Относительно смычков, я намерен советоваться с Конюсом, который для этой цели приедет ко мне на днях и привезет с собой скрипку и младшего брата Льва. Последний мне нужен, дабы проиграть переложение, которое я тоже уже сделал. Когда ты приедешь в Москву, то прошу тебя убедительно проиграть симфонию с тем же Конюсом и решить все сомнения, которые я без твоего совета разрешить не сумею. Я и не думал и не мечтал тебя просить перекладывать, ибо это с моей стороны был бы верх неделикатности. Тебе теперь не до того. А вот проиграть, это я очень тебя прошу. Какая противная работа перекладыванье: самого себя калечить приходится!»

Из письма к П.И. Юргенсону 12/24 августа:
«Я кончил инструментовку своей новой симфонии. Теперь еще около недели я буду возиться с выставлением знаков и с просмотром. Переложение в 4 руки я тоже сделал сам, и мне остается только проиграть его, что я и сделаю на днях, для каковой цели пригласил к себе младшего Конюса. Переложение, после того как я проиграю его, я могу сейчас же сдать тебе (в том предположении, что ты будешь вообще издавать эту симфонию). Но что касается партитуры и голосов, то раньше, чем я исполню симфонию, – невозможно считать ее окончательно готовой к гравировке. А исполнение будет 16^{20} октября в Петербурге».

20 августа / 1 сентября
КЛИН

Собирается в поездку.

Из письма к П.И. Юргенсону 20 августа / 1 сентября:
«Симфонию я увезу сегодня в Петербург. Обещаю тебе партитуры не дарить. Переложение на 4 руки оказалось неудобным и требующим коренной переделки. Я поручил эту переделку младшему Конюсу, который принесет ее тебе в начале сентября. Я хотел, требовал даже, чтобы за эту работу он взял с меня гонорар 100 р[ублей], но он решительно отказался. Однако, когда он приедет, потрудись еще раз передать ему мое желание, чтобы он взял деньги. Может быть, с тобой он не поцеремонится, а со мной он великодушничает и ставит меня в неловкое положение»

Из письма к М.И. Чайковскому 20 августа / 1 сентября:
«Сегодня я уезжаю за границу. В Петербурге останусь дня 2 у Лароша. Последние дни у меня были два брата Конюса, один возился с смычковыми указаниями в партитуре, другой (пианист) проигрывал мое [четырехручное] переложение, которое оказалось никуда не годно».

21–23 августа / 2–4 сентября
С.-ПЕТЕРБУРГ

По пути в Гамбург останавливается в Санкт – Петербурге у Г.А. Лароша.

27 августа / 8 сентября
ГАМБУРГ

Слушает в оперном театре свою оперу «Иоланта». Дирижер – Г. Малер.

3–5(?) сентября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Остановка в Санкт-Петербурге.

7(?)–9 сентября
МОСКВА

Проводит несколько дней в Москве перед отъездом к младшему брату А.И. Чайковскому в село Михайловское Владимирской губернии.

10–16 /22–28 сентября
МИХАЙЛОВСКОЕ

Гостит у А.И. Чайковского.

Из письма к М.И. Чайковскому 12/24 сентября:
«Ну, Модя, что за прелесть это Михайловское!!! Невозможно описать, до чего здесь хорошо; я тем более восхищен, что никто из них [родственников – *А.А.*] *в письмах особенно не восхищался, и я никак не ожидал попасть в подобие рая!»*

17/29 сентября
МОСКВА

Возвращение из Михайловского.

Из письма к М.И. Чайковскому 17/29 сентября:
«Приехал с головной болью, впрочем неважной».

Вечером присутствует на премьере комедии М.И. Чайковского «Предрассудки» на сцене Малого театра. В главной роли – М.Н. Ермолова.
В Санкт-Петербурге умирает друг и однокашник Чайковского по училищу правоведения, поэт А.Н. Апухтин, на стихи которого композитором написано несколько романсов.

18/30 сентября
МОСКВА

Присутствует на вечере у Танеева, слушает новые сочинения С.В. Рахманинова. Там же исполняется четырехручное переложение Шестой симфонии.

Из воспоминаний М.М. Ипполитова-Иванова:
«Прослушивание четырехручного переложения Шестой симфонии состоялось в один из ближайших вечеров у Сергея Ивановича [Танеева – *А.А.*]. *Играли Л.Э. Конюс и Сергей Иванович. Вследствие ли частых остановок для поправок некоторых деталей или придирок Петра Ильича, который как-то особенно нервничал в этот вечер, симфония не произвела на нас впечатления, и Петр Ильич был мрачнее тучи».*

21 сентября / 3 октября
МОСКВА

Чайковский пишет великому князю Константину Константиновичу по поводу его предложения написать музыку на стихотворение А.Н. Апухтина «Реквием»:
«Я нахожусь в Москве проездом, под рукой стихотворений покойного А.Н. Апухтина не имею и потому покорнейше прошу позволить мне отвечать насчет "Реквиема" через несколько дней, когда я, водворившись у себя в Клину, внимательно прочту "Реквием", немножко мной позабытый, и обдумаю хорошенько вопрос: способен ли я должным образом исполнить предлагаемую вами задачу.
Меня смущает то обстоятельство, что последняя моя симфония, только что написанная и предназначенная к исполнению 16 октября (мне ужасно бы хотелось, чтобы ваше высочество услышали ее), проникнута настроением очень близким к тому, которым преисполнен "Реквием". Мне кажется, что симфония эта удалась мне, и я боюсь, как бы не повторить самого себя, принявшись сейчас же за сочинение родственное по духу и характеру к предшественнику. Впрочем, повторяю, решительным образом я отвечу вашему высочеству насчет музыки к "Реквиему" в ближайшем будущем, когда удалюсь в свое клинское убежище и на свободе обстоятельно обдумаю этот вопрос.
В последние весенние и летние месяцы мне пришлось очень много путешествовать, и поэтому написал я не особенно много: серию фортепианных пьес, небольшую серию романсов (на текст молодого талантливого поэта Даниила Ратгауза) и симфонию. В симфонию эту я вложил, без преувеличения, всю мою душу и надеюсь, что ваше высочество одобрите ее. Не знаю, оригинальна ли она по музыкальному материалу, но по форме она представляет ту оригинальность, что финал симфонии написан в темпе adagio, а не allegro, как это обыкновенно бывает».

23 сентября / 5 октября
МОСКВА

Из письма к И.И. Слатину 23 сентября / 5 октября:
«Я все лето провел в разъездах и успел только инструментовать симфонию, сочиненную еще зимой. Буду исполнять ее 16 окт[ября] в Петербурге, а 4 декабря в Москве. Кажется, она мне удалась; по крайней мере редко я писал что-нибудь с такой любовью и увлечением. Здоровье, слава богу, отлично».

25 сентября / 7 октября
КЛИН

Возвращение в Клин.

26 сентября / 8 октября
КЛИН

Окончательно отказывается от предложения Великого князя Константина Константиновича написать музыку на стихотворение А.Н. Апухтина «Реквием».

27 сентября – 3 октября / 9–15 октября
КЛИН

Оркестровка первой части Третьего концерта для фортепиано с оркестром (одночастная версия).

Помета в рукописи партитуры на обороте л. 31:
«$3^{з[о]}$ Окт[ября] 1893 г. г. Клин».

3–7/15–19 октября
КЛИН

У композитора гостят виолончелисты А.А. Брандуков и Ю.И. Поплавский.
Из воспоминаний Ю.И. Поплавского:
«[...] мы с А.А. Брандуковым были встречены курчавым разбитным ямщиком, доставившим нас к подъезду двухэтажного деревянного дома со стеклянным крытым балконом, последнего по Московскому шоссе. [..]
Петр Ильич окончил просмотр рукописи — и мы перешли в столовую. В этот вечер он много говорил нам о виртуозах и какие требования предъявляет к ним публика. Как и всегда, речь Петра Ильича была изукрашена яркими примерами из жизни известных теперь артистов, которых первые робкие шаги к славе Петр Ильич не только видел, но и нередко направлял. [...]
После ужина разговор перешел на более веселые темы благодаря одной или двум шуткам Петра Ильича, относящимся к его гостям и которые он сказал "a part" (в сторону — фр.), отвернувшись в сторону от нас, как это делают на сцене актеры.
Петр Ильич предложил сообща просмотреть незнакомый ему виолончельный концерт Сен-Санса, который Анатолий Андреевич [Брандуков] предполагал играть под управлением Петра Ильича в Петербурге, и мы встали из-за стола. Не без волнения сел я за рояль и развернул оркестровую партитуру, хотя раньше уже просматривал ее. Когда я взял первый аккорд, то невольно отдернул руки от клавишей — в такой степени расстроенного рояля мне не приходилось еще встречать. Мне пришли на память уверения некоторых "догадливых" людей, что Петр Ильич пишет только за роялем. Трудно подыскать более наглядное опровержение этих нелепых догадок.
Исследовав сообща наиболее негодные клавиши, мы приступили к исполнению: Петр Ильич следил и подыгрывал левой рукой партии духовых инструментов, Анатолий Андреевич пел тему виолончели. Это импровизированное трио с участием Петра Ильича Чайковского навсегда останется в моей памяти.
До одиннадцати часов, когда Петр Ильич обыкновенно ложился в постель, время прошло незаметно. Радушный наш хозяин сам осмотрел приготовленные для нас комнаты, чтобы удостовериться, все ли необходимое приготовил Алексей; он собственноручно принес нам пледы и пальто, боясь, как бы ночью не было холодно, и только тогда пожелал нам спокойной ночи.
Наутро, в восемь с половиной часов, я застал Петра Ильича за чаем. Он читал газеты, сидя подле маленького круглого стола у окна в зале. Ежедневно выпивал он утром две чашки горячего чая, просматривал газеты и прочитывал десятки писем, раз в день доставляемых со станции. Затем он переходил к письменному столу и писал ответы почти на каждое письмо. Все письма хранились в нижних ящиках стола; по истечении года ящики опрастывались, а вся корреспонденция, упакованная в папках с обозначением года, сдавалась на хранение Алексею. Этот громадный архив — лет за двадцать — Петр Ильич все собирался разобрать и выделить из него более интересные письма.
Мне и вошедшему Анатолию Андреевичу Петр Ильич показал и перевел (корреспонденция велась на пяти языках) несколько забавных писем. В одном, например, его приглашали куда-то на юг Германии участвовать в концерте, причем просили "захватить с собою А. Рубинштейна и Глинку (?!)". Оказалось далее, что почти все знаменитости, подвизавшиеся на столичных эстрадах, приглашались по совету Петра Ильича или через его посредство.
Третью чашку уже холодного чая Петр Ильич, как и всегда, унес с собою на рабочий стол в спальню.
В одиннадцатом часу мы отправились в лес, до которого было не более версты. Если домашний костюм Петра Ильича был более чем прост, то пальто, в котором он показывался на улицах Клина, смело могло конкурировать на выставке старых мод. Куплено оно было в Вене и очень давно. В всякую погоду, зимой и летом, Петр Ильич гулял два часа. Каждое дерево было знакомо нашему проводнику. Мы прошли до рва — это остатки работ по прорытию канала, которым, в царствование Николая I, проектировалось соединить Волгу с рекой Сестрой. Хорошо знакомый с местностью, Петр Ильич объяснил нам печальное положение крепостных, работавших над этим сооружением. Между прочим, он жалел, что не успел летом осуществить задуманного сообща с Н.Д. Кашкиным плана — пройти по этому каналу вплоть до берега Волги пешком — и надеялся привести этот проект в исполнение будущей весной. Дорогой Петр Ильич, я тоже надеялся сопровождать тебя!
Незаметно мы подошли к чудному уголку. Небольшая поляна круто поднималась к лесу; направо извивалась Сестра, влево — ровное поле, пока хватит глаз; а если встать спиной к лесу, перед глазами — в обе стороны полотно и насыпь Николаевской железной дороги. Вдали виднелось Фроловское. [...]
Дул сильный ветер; мы промерзли и, выбрав саженях в двадцати какой-то столб или пень, побежали вперегонки, чтобы согреться. Единственный рыжик, замеченный Петром Ильичом, был сочтен за приз этого спорта и присужден самому быстроногому.
Затем было решено возвратиться домой. Алексей с недовольным лицом доложил, что обед еще не готов, и, чтобы занять время, Петр Ильич предложил просмотреть увертюру Лароша к "Кармозине".

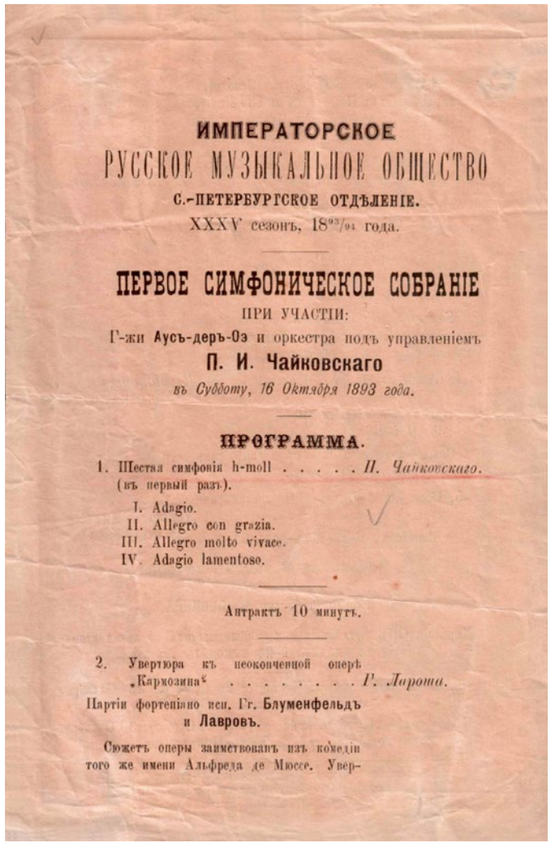
3–7/15–19 октября
КЛИН

За обедом Петр Ильич говорил о своей последней симфонии. Мы, видя его особенно хорошее расположение духа, приступили к нему с постоянной нашей просьбой — написать концерт для виолончели. "Что же вы не играете моих вариаций?" — был один и тот же ответ. Я затянул старую песню о неудобствах некоторых из вариаций для виолончели, о том, что в них вообще мало пения. "Играть не умеют, а надоедают",— пошутил Петр Ильич. "Я всегда говорил, что лучшее произведение Чайковского поет Крутикова в «Пиковой даме» (Песня Графини в "Пиковой даме" заимствована из оперы Гретри ["Ричард Львиное Сердце"]),— не остался в долгу один из нас — и все рассмеялись.
Петр Ильич тогда ожидал либретто, чтобы начать оперу,— какую, он не сказал; в октябре он рассчитывал написать задуманный уже концерт для флейты (здесь имелся в виду Таффанель, известный парижский виртуоз), потом несколько мелких пьес для скрипки и уже затем обещал взяться за виолончельный концерт.
После обеда мы зашли в один из лучших колониальных магазинов Клина; нас встретил в дверях хозяин — высокий, плотный, в засаленном теплом картузе, местный купец. Ему, при встрече, Петр Ильич протянул руку. Будучи далек от музыки вообще и произведений стоявшего перед ним композитора в частности, почтенный торговец выражал свое уважение к Петру Ильичу лишь тем, что называл его "ваше превосходительство". Из всех предложенных "продуктов" была выбрана яблочная пастила. Пока не стемнело, Петр Ильич показывал нам свое несложное хозяйство: духовое отопление, запасы дров на зиму, запасы капусты, которую надо было рубить, в чем Петр Ильич и сам нередко принимал участие.
В пятом часу мы стали собираться в Москву. Содержимое двух хорошо мне знакомых чемоданов, неизменных спутников Петра Ильича, было просмотрено и пополнено Алексеем. Явился Егорка, двухлетний сынишка Алексея, хозяйский крестник. Прощаясь с ними, Петр Ильич расцеловался с сыном и отцом. Алексей, вручая барину шестьдесят рублей, наказывал купить в Москве сукна на пальто и еще какие-то статьи гардероба. Мы сели на извозчиков и через двадцать минут уже весело входили в вагон вечернего поезда».

7/19 октября
КЛИН

Вместе с Брандуковым и Поплавским уезжает в Москву.

Программа концерта 16 октября 1893 г. , в котором впервые была исполнена Шестая симфония.



ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.
XXXV сезонъ, 18$^{93}/_{94}$ года.

ПЕРВОЕ СИМФОНИЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ
ПРИ УЧАСТІИ:
Г-жи Аусъ-деръ-Оэ и оркестра подъ управленіемъ
П. И. Чайковскаго
въ Субботу, 16 Октября 1893 года.

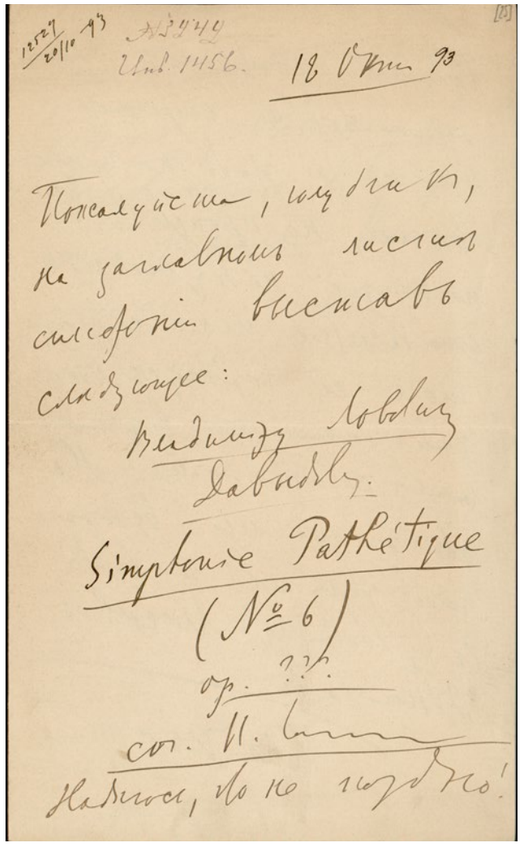
ПРОГРАММА.

1. Шестая симфонія h-moll . . . . . *П. Чайковскаго.*
(въ первый разъ).
I. Adagio.
II. Allegro con grazia.
III. Allegro molto vivace.
IV. Adagio lamentoso.

Антрактъ 10 минутъ.

2. Увертюра къ неоконченной операѣ „Кармозина" . . . . . *Г. Лароша.*
Партіи фортепіано исп. Гг. Блуменфельдъ и Лавровъ.
Сюжетъ оперы заимствованъ изъ комедіи того же имени Альфреда де Мюссе. Увер-

Письмо П.И. Чайковского П.И. Юргенсону 18 октября 1893 г.



18 Окт 93

Пожалуйста, голубчик, не запамятуйте записать симфонію следующее:

Владиміру Львовичу Давыдову:

Symphonie Pathétique
(№ 6)
ор. ???
соч. П. Чайковскаго

Надѣюсь, что не забудете!

8–9/20–21 октября
МОСКВА

Присутствует на заупокойной обедне по пианисту и педагогу Московской консерватории Н.С. Звереву.
Показывает С.И. Танееву Третий концерт для фортепиано с оркестром.
Слушает в консерватории свой вокальный квартет «Ночь», исполненный ученицами класса Е.А. Лавровской.

Из воспоминаний Н.Д. Кашкина: *«Петр Ильич посетил Московскую консерваторию в последний день своего пребывания в Москве, 9 октября; ему спели аранжированный им отрывок из c-moll'ной фортепианной фантазии [№ 4] (Fantasie et sonate) Моцарта для четырех голосов с аккомпанементом на текст, им же самим написанный. Петр Ильич сидел в зале возле меня и восторгался так, что готов был, по его словам, плакать; квартет спели два раза, и он сам предложил исполнить его в одном из симфонических собраний. Сегодня его просьба исполняется, и квартет "Ночь" будет спет теми же исполнителями, которых он слышал в последний раз в консерватории. Тут же в консерватории он сказал мне, между прочим, что красота мелодии [Моцарта] для него — тайна и что он сам не может объяснить неотразимой прелести простой мелодии этого квартета. Никому из бывших тогда в консерватории, конечно, и в голову не приходило, что это свидание будет прощальным и что через две недели с небольшим не станет светлой надежды русской музыки, и что мы больше не увидим этого здорового, бодрого человека, прощавшегося со всеми до скорого свидания, так как непременно хотел быть в симфоническом собрании 23 октября».*

Исполнение Шестой симфонии в оркестровом классе Московской консерватории, проверка партий.

Из воспоминаний К.С. Сараджева:
«В 1893 году П.И. Чайковский перед своим последним отъездом в Петербург был в [Московской] консерватории (я был учеником, мне было пятнадцать лет), и в оркестровом классе, усиленном преподавателями и профессорами (Гржимали, фон Глен, Соколовский и профессоры духовых инструментов) по рукописи была проиграна Шестая симфония. [...] Дирижировал Сафонов. Инспектриса Александра Ивановна Губерт позаботилась о том, чтобы никто, кроме участвующих в оркестре, не оставался в здании. Я, будучи и любопытным и шалуном, ухитрился спрятаться так, что ни сторожа, ни надзиратели меня не нашли. В четыре часа началась игра в зале, и мне удалось подкрасться к двери и в течение двух часов слушать. Было много остановок, видимо, поправлялись ошибки и в партиях, и в игре исполнителей. Ничего, конечно, я не понял, но все же помню, что я почувствовал: что-то не совсем обычное происходит. Когда кончился класс, учеников сейчас же из залы удалили. Они вышли очень возбужденные, все чувствовали, что это совсем не то, что они слышали до сих пор. Потом я видел выходивших из зала: Чайковского, Сафонова и Гржимали вместе, а за ними в некотором отдалении остальные преподаватели. Чайковский нес огромных размеров партитуру. Лицо его было особенно сильно покрасневшим, сильно возбужденным. Сафонов с Гржимали шли немного сзади него, и все молчали. Трудно объяснить, что эти люди переживали, но ясно было мне, что произошло нечто исключительное, незаурядное...»

10/22 октября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Приезд из Москвы. Останавливается в квартире брата М.И. Чайковского.

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«Все ему понравилось в нашем устройстве; хорошее настроение не покидало его и далее...».

16/28 октября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Дирижирует в 1-м Симфоническом собрании Санкт-Петербургского отделения ИРМО. В программе: Чайковский. Симфония № 6 соч. 74 (в первый раз); Г.А. Ларош. Увертюра «Кармозина»; Чайковский. Концерт № 1 для фортепиано с оркестром соч. 23 (Солистка – А. Аус дер Оэ); В.А. Моцарт. Танцы из оперы «Идоменей»: Menuet lent и Gavotte.

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«...6-я симфония на репетициях не производила впечатления на оркестровых музыкантов. Помимо того, что он [П.И. Чайковский] дорожил мнением этих людей, ему обидно было, что равнодушие исполнителей могло отразиться на самом исполнении вещи. Петр Ильич хорошо дирижировал только теми из своих произведений, которые, он знал, нравятся оркестру. Чтобы добиться тонкости оттенков, стройности целого, ему необходимо было ощущать сочувствие и удовольствие окружающих. Холодное выражение лиц, равнодушный взгляд, зевок оркестрового исполнителя, понятные при полном незнакомстве с вещью, связывали его, он терялся, небрежно относился к отделке подробностей и старался скорей кончить репетицию, чтобы избавить музыкантов от скучного дела. [...] Мы видели здесь несколько раз, как Петр Ильич легко заражался мнением других о его произведениях и как часто под чужим влиянием менял восторженное к ним отношение на презрительное или наоборот. Теперь он остался непоколебим и не взирая на холодность музыкантов продолжал утверждать, что «лучше этой симфонии никогда ничего не писал и не напишет». Тем не менее заставить верить в это и исполнителей, и публику в концерте 16 октября ему не удалось. Симфония понравилась: ей аплодировали, вызывали автора, но не более восторженно, чем после исполнения других его вещей, и того потрясающего впечатления, как 6 ноября 1893 г. под управлением Направника, а потом столько раз, в стольких местах, она не произвела [...]

16/28 октября
С.-ПЕТЕРБУРГ
16/28 октября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Пресса, как и публика концерта 16 октября, не отнеслась к новой симфонии, как того хотел и ожидал Петр Ильич, тем не менее, в большинстве своих отзывов высказала одобрение, иногда чуть не восторженное, но всегда с оговорками: "СПб. Ведомости" нашли, что "произведение в тематическом отношении не представляет особенной оригинальности; темы не новы и не ярки, но..." и дальше следуют похвалы. Лучшею частью эта газета признала последнюю, Adagio lamentoso. "Сыну отечества" понравилась больше "третья часть — скерцо", что же касается общего впечатления вещи "то, к сожалению, здесь, как и во всех последних произведениях Чайковского, изящество и внешняя изобретательность берут верх над глубиною творчества", к тому же "обе крайние части слабее по содержанию и не лишены заимствований из чужих композиторских мыслей: так в первой части одна фраза очень определенно напоминает Гуно в его «Ромео и Джульетте», а на последней, как и на многих других местах симфонии лежит сильный отпечаток Грига". В конце концов "симфония эта не может быть отнесена к числу выдающихся сочинений г. Чайковского". "Гражданин" отдал предпочтение второй части, расхвалив, впрочем, и остальные за то, что композитор "как истый гений отбросил в них свою прежнюю замысловатость и стал искать свою цель в простоте и изяществе". "Новостям" понравилось лучше всего скерцо, но многое и в остальном. "Новое время" нашло, что "новая симфония бессомненно написана под влиянием путешествия по чужим странам, в ней много остроумия, находчивости в употреблении оркестровых красок, грации (в особенности в средних частях), изящества, но по вдохновению она уступает другим симфониям Чайковского". "Петербургская газета" — что, "уступая по вдохновению другим симфониям", новая все-таки слушается с большим интересом. Особенно грациозными газета находит первую и третью часть".
С безусловной восторженностью к самой вещи отнеслись только "Биржевые ведомости", но не одобрили исполнение Петра Ильича: "...будь новая симфония исполнена вчера под управлением г. Ауэра или г. Направника, она имела бы больший успех, чем тот, который выпал на ее долю"».

18/30 октября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Дал обед в честь пианистки А. Аус дер Оэ, присутствовал на спектакле «Евгений Онегин» в Мариинском театре.

Письмо к П.И. Юргенсону 18/30 октября:
«Пожалуйста, голубчик, на заглавном листе симфонии выставь следующее:
Владимиру Львовичу
Давыдову
SymphoniePathétique
(№ 6)
op.???
соч. П. Чайковского

Надеюсь, что не поздно! С этой симфонией происходит что-то странное! Она не то чтобы не понравилась, но произвела некоторое недоумение. Что касается меня самого, – то я ей горжусь более, чем каким-либо другим моим сочинением. Но об этом мы вскоре поговорим, ибо я буду в субботу в Москве.
Обнимаю.
П. Чайковский
Ради Бога, как можно скорее вышли в Консерваторию в Петербург голоса финала конюсовской сюиты!!! Если не печатные, то хоть писанные».

19/31 октября
С.-Петербург

Присутствовал на спектакле в зале Кононова (опера А.Г. Рубинштейна «Маккавеи»).

20 октября/1 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Совершает несколько деловых и дружеских визитов. Посещает спектакль в Александринском театре (А.Н. Островский «Горячее сердце»).

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«На вечере Петр Ильич имел ложу в Александринском театре, где давали "Горячее сердце" А. Островского. В антракте он вместе со мной пошел в уборную К.А. Варламова. Он всегда очень ценил удивительное дарование последнего, а в девяностых годах, познакомившись с ним, полюбил его лично. Разговор зашел о спиритизме. Константин Александрович со свойственным ему юмором, непередаваемым на бумаге, выразил свою нелюбовь ко всей "этой нечисти", как вообще ко всему напоминавшему смерть. Ничем нельзя было лучше угодить Петру Ильичу; он с восторгом согласился и от души смеялся своеобразной манере, с которой это было высказано. "Успеем еще познакомиться с этой противной курноской", – сказал он и затем, уходя, обратясь к Варламову: "Впрочем, нам с вами далеко еще до нее! Я знаю, что я буду долго жить"».

Поздно вечером посещает ресторан Лейнера.

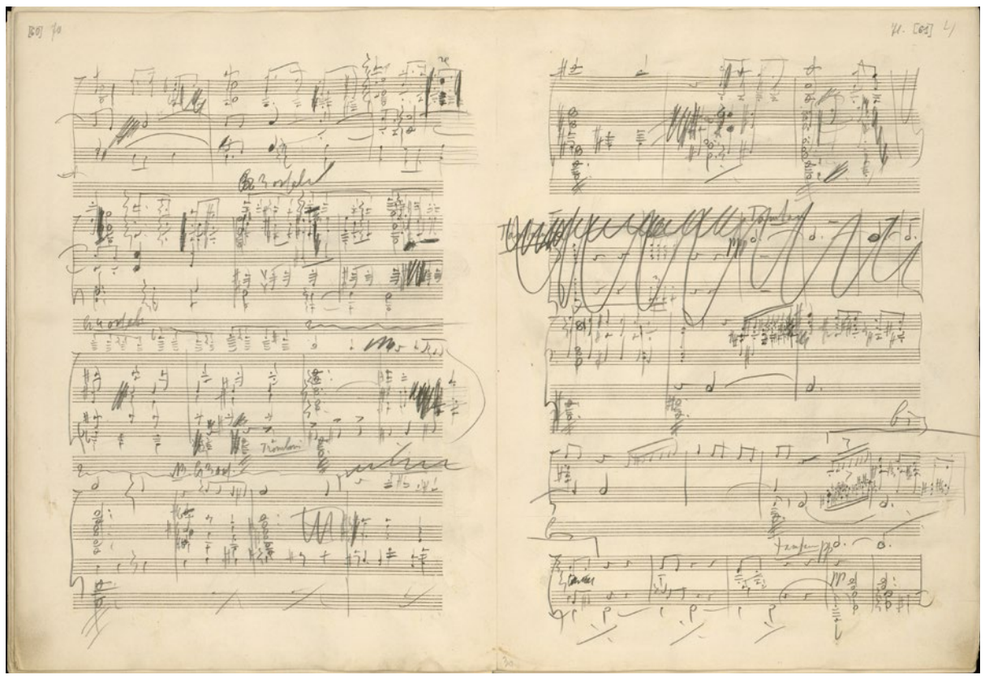
21 октября / 2 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Первые признаки внезапной болезни.

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«Утром в четверг, 21 числа, когда я вышел из моей спальни, Петр Ильич был не в гостиной за чаем, по обычаю, а у себя в комнате и жаловался мне на плохо проведенную ночь вследствие расстройства желудка. Меня не особенно обеспокоило это, потому что очень часто у него бывали подобные расстройства, проявлялись всегда очень сильно и проходили очень скоро[...] Я предложил ему послать за Василием Бернардовичем Бертенсоном, его любимым врачом, но он резко отказывался от этого. Я не настаивал, зная, как он привычен к подобного рода заболеваниям и как всегда удачно отделывается от них без чьей-либо помощи. Обыкновенно в этих случаях ему помогало касторовое масло. Убежденный, что и на этот раз он прибегнет к нему, и зная, что оно во всяком случае вреда не сделает, я, совершенно спокойный на счет его состояния, занялся своим делом и до часу дня не виделся с ним. Во всяком случае, от 11 ч. до 1 ч. дня Петр Ильич был настолько бодр, что успел написать два письма, но на третье у него не хватило терпения и он ограничился короткой запиской. [...] Во время завтрака у него не было отвращения к пище.
Он сидел с нами и не кушал, казалось, только потому, что сознавал, что это будет вредно. Тут же он сообщил нам, что вместо касторового масла он принял воды Гуниади. [...] он должен был выйти, потому что его начало тошнить. В гостиную он больше не возвращался, а прилег у себя, чтобы согреть живот. Тем не менее ни сам он, ни мы, окружающие, не были нисколько не встревожены. Все это бывало часто и прежде. Я снова предложил послать за В.Б. Бертенсоном, но опять получил резкое запрещение делать это; к тому же спустя немного ему стало лучше, он попросил, чтобы ему дали заснуть, остался один в своей комнате и, как я предполагал, заснул. Убедившись, что все в его спальне было тихо, я вышел по своим делам и не был дома до 5 часов. Когда я вернулся, то болезнь настолько ухудшилась, что несмотря на протест, я послал за В.Б. Бертенсоном. Тем не менее, никаких страшных признаков смертельной болезни не было».

Из воспоминаний А.К. Глазунова:
«Я зашел к нему по его зову в квартиру... около 5 часов вечера. Ему было очень плохо, и он просил оставить его, сказав, что, может быть, и на самом деле у него холера, хотя он этому не верит, так как подобные приступы с ним бывали не раз. На другой день пришло известие о его смертельной болезни, и больше к нему никого не пускали...».

Из воспоминаний доктора В.Б. Бертенсона:
«Но вот в приснопамятный день 21 октября 1893 года, приехав домой около восьми часов вечера, я застал на столе записку от Модеста Ильича следующего содержания: "Петя нездоров. Его все время тошнит и слабит. Бога ради, заезжайте посмотреть, что это такое".
Я тотчас же поехал к больному.



Страницы рукописи эскизов Шестой симфонии

21 октября / 2 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Надобно знать, что деликатность Петра Ильича к окружающим не имела границ. Это и было главною причиною того, что Петр Ильич, по словам его брата, так долго не позволял посылать за мною.
Когда я вошел в небольшую квартиру Модеста Ильича, где он проживал с любимым племянником Петра Ильича — Бобом Давыдовым — и где Петр Ильич остановился, то я застал больного в постели. Это было полчаса девятого вечера. Петр Ильич, несмотря на то, что припадки его страшной болезни уже все время его беспокоили, встретил меня со словами, характеризовавшими его сердечную доброту и удивительную его деликатность.
— Бедный Василий Бернардович,— сказал он мне,— вы такой любитель музыки и, наверное, вас потянуло в оперу; сегодня, кстати, дают «Тангейзера». Вам же вместо этого пришлось ехать ко мне, скучному, гадкому Чайковскому, больному еще такою неинтересною болезнью...
Выслушав рассказ о ходе заболевания и осмотрев Петра Ильича, я, к ужасу, сразу убедился, что у него не обострившийся катар желудка и кишок, как предполагали не только все домашние, но и сам Петр Ильич, но нечто худшее...
В Петербурге в это время (октябрь 1893 года) холера уже начала свивать себе прочное гнездо, но интеллигентные классы затрагивались ею редко. Умирала от нее, как всегда, одна беднота. Должно сознаться, что настоящей холеры до этого времени мне самому видеть не приходилось. Тем не менее по освидетельствовании выделений больного у меня не оставалось сомнений, что у Петра Ильича форменная холера. Когда я вышел в соседнюю комнату и заявил брату Петра Ильича и его племянникам о серьезности заболевания и о том, что такую болезнь я не берусь и не могу лечить один, говорил о своей нравственной ответственности, то в первую минуту мои добрые друзья мне не поверили...
Но поверить все-таки пришлось...
Самое трудное (зная нелюбовь к врачам Петра Ильича) — это было получить согласие на консилиум.
Наконец, мы убедили больного в этой тяжелой для него необходимости. По указанию самого Петра Ильича, выбор врача-консультанта пал на моего брата.
Тогда я, прописав все необходимое, тотчас же помчался за своим братом.
Быстрый ход холеры у Петра Ильича объясняется еще тем, что, при наличии хронического заболевания желудка и кишок, он утром вместо приема касторового масла принял по собственному почину стакан горькой воды Гуниади-Янос. А между тем известно, что горькая вода, будучи щелочной реакции, в таких случаях противопоказуется. Холерные бациллы именно в щелочах всего легче размножаются. В довершение всего Петр Ильич уже после горькой воды выпил еще стакан сырой воды».

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«В 12 часу Петр Ильич начал криком жаловаться на судороги. Общими усилиями мы начали растирать его. Судороги, при полном сознании больного, появлялись разом в разных частях тела, и больной просил растирать то ту, то другую часть тела. Голова и конечности начали резко синеть и совершенно похолодели. Незадолго до появления первых судорог Петр Ильич спросил меня: "Не холера ли это?", я, однако, скрыл от него правду».

22 октября / 3 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

К 2 часам ночи судороги ослабли, состояние ненадолго улучшилось, но затем все возобновилось.

Из воспоминаний доктора Л.Б. Бертенсона:
«Под утро на пятницу, во время моего отсутствия, в состоянии Петра Ильича последовало новое ухудшение: судороги вновь возобновились и явился настолько сильный упадок деятельности сердца, что мой брат вынужден был сделать подкожное вспрыскивание мускуса и камфары».

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«Вплоть до 5 утра это была одна непрерывная борьба с судорогами, которые чем дальше, тем менее уступали энергическому трению и искусственному согреванию тела. Было несколько моментов, когда, казалось, смерть наступала [...] страшнее всего были минуты, когда он жаловался на боль около сердца и на отсутствие воздуха».

В 5 ч. утра наступает улучшение. М.И. Чайковский заявляет в полицию о болезни брата, после чего Петр Ильич попадает в официальную сводку заболевших холерой в Петербурге.
Состояние к вечеру все более улучшается.

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«Такое состояние продолжалось до вечера, а к ночи оно настолько улучшилось, что доктор Мамонов, явившийся на смену Зандеру, настоял на том, чтобы все легли спать, не предвидя угрожающих симптомов в эту ночь».

23 октября / 4 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«В субботу 23-го числа, утром, улучшения в моральном состоянии больного не было. По своему настроению он казался более удрученным, чем накануне. Вера в выздоровление свое – пропала. "Бросьте меня, – говорил он докторам, – вы все равно ничего не сделаете, мне не поправиться". В обращении с окружающими начала проявляться некоторая раздражительность. Накануне он еще шутил с докторами, торговался с ними из-за питья, в этот же день – только покорно исполнял их предписания».

В Петербурге распространяются слухи о болезни Чайковского

Из дневника Великого Князя Константина Константиновича 23 октября / 4 ноября:
«В полку мне сказали, что у П.И. Чайковского настоящая азиатская холера, начавшаяся в четверг, и что он находится в опасном положении. Племянник его Давыдов состоит вольноопределяющимся в 4-й роте. Я очень беспокоюсь за Петра Ильича».

Врачи безрезультатно борются с бездеятельностью почек у больного.

24 октября / 5 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Ухудшение состояния, усиление уремии, нарушение сознания.

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«К утру 24-го числа, в воскресенье, положение все-таки не было безнадежно, но беспокойство врачей по поводу бездеятельности почек возрастало. Самочувствие Петра Ильича было очень скверное. На все вопросы о его состоянии он отвечал несколько раз: "Отвратительно". Льву Бернардовичу он сказал: "Сколько доброты и терпения вы тратите по-пустому. Меня нельзя вылечить"».

Доктор Л.Б. Бертенсон принимает решение назначить больному ванну.
14 часов 30 минут. Выпуск первого бюллетеня о состоянии Чайковского:
«Угрожающие припадки продолжаются и не уступают лечению; полное задержание мочи при сонливом состоянии и значительной общей слабости; понос хотя и слабее прежнего, но еще очень сильный».

22 часа 30 минут. Выпуск второго бюллетеня о состоянии Чайковского:
«Отделение мочи не восстановилось, признаки отравления крови составными частями мочи чрезвычайно резко выражены. С трех часов дня быстро возрастающий упадок деятельности сердца и помрачение сознания. С 10 часов вечера почти неощутительный пульс и отек легких».

После 20 часов – коматозное состояние, ослабление сердечной деятельности.

Телеграмма от Великого Князя Константина Константиновича 24 октября/5 ноября:
«Великая Княгиня и я очень беспокоимся за Петра Ильича.
Были бы искренно вам благодарны за сообщение известий о его здоровье.
Простите это нескромное обращение
Константин».

25 октября / 6 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

1 час 30 минут. Выпуск третьего бюллетеня о состоянии Чайковского:
«Состояние больного ухудшилось настолько, что санитарный врач и чины полиции явились в дом».

Смерть Чайковского после 3 часов утра

Из воспоминаний М.И. Чайковского:
«Бертенсон, считая всякую надежду потерянной, в крайнем изнеможении уехал, доверив наблюдение за последними мгновениями Н.Н. Мамонову. Дыхание становилось все реже, хотя все-таки вопросами о питье можно было его как бы вернуть к сознанию: он уже не отвечал словами, но только утвердительными и отрицательными звуками. Вдруг глаза, до тех пор полузакрытые и закатанные, раскрылись. Явилось какое-то неописуемое выражение ясного сознания. Он по очереди остановил свой взгляд на трех близ стоявших лицах, затем поднял его к небу. На несколько мгновений в глазах что-то засветилось и с последним вздохом потухло. Было 3 часа утра с чем-то».

Из воспоминаний С.Л. Бертенсона, сына врача Л.Б. Бертенсона, находившегося у постели Чайковкого:
«... до самого момента безвременной кончины композитора у нас в доме царило такое подавленное настроение, как будто умирающий находился среди нас. Я до сих пор не могу забыть лица отца, когда он вернулся домой, сказал, что всё кончено, и разрыдался».
В прессе появляются первые сообщения о смерти Чайковского.
Снятие скульптором С. Целинским посмертной маски.
14 часов. В квартире М.И. Чайковского начинается первая панихида.
19 часов. Вторая панихида.
21 час. Положение тела покойного в гроб, запайка гроба.

Телеграмма от великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны 25 октября/6 ноября:
«Сердце больно сжимается, утрата Петра Ильича нами горестно оплакивается.
Мы давно привыкли искренно его любить. Да упокоит Господь его душу и да пошлет Вам утешение.
Константин, Елизавета».

26–27 октября /
7–8 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Проходят панихиды. В прессе появляются многочисленные траурные извещения, репортажи из квартиры М.И. Чайковского. Первые подробные публикации о ходе болезни композитора. Продолжают появляться отклики, приходить многочисленные телеграммы с соболезнованиями.

Телеграмма от М.Н. Ермоловой 26 октября/7 ноября:
«Дорогой Модест Ильич,
душевно скорбим о вашем горе; одно утешение, что с вами разделяет вся Россия.
Ермолова, Шубинский».

Телеграмма от жителей Москвы с просьбой захоронить Чайковского в Москве или в Клину 27 октября/8 ноября:
«Считаем долгом передать Вам выраженную волю покойного вашего брата Петра Ильича быть похороненным в сердце России в Москве рядом с могилою Николая Григорьевича Рубинштейна или в городе Клин. Как москвичи со своей стороны умоляем вас исполнить волю покойного и искреннее желание москвичей принять в стенах своего города прах незабвенного композитора.
Жители города Москвы, подписи коих будут присланы при заявлении.[...]»

Ходатайство жителей Москвы о захоронении П.И. Чайковского в Москве:
«Нижеподписавшиеся жители Москвы, свидетели многолетнего участия Петра Ильича в музыкальной жизни первопрестольной столицы и его сердечного отношения к ее художественным интересам выражают искреннее желание, чтобы прах Великого композитора был погребен в Москве».

Телеграмма Смоленского Губернского Представителя Дворянства
М.И. Чайковскому 28 октября/9 ноября:
«От земляков великого Глинки примите соболезнующее слово. Господь положил Конец служению брата Вашего родному искусству. Мир его чуткой душе, вечная память о завещавшем родине усладу своих чарующих песен.
Смоленский
Губернский Представитель
Дворянства».
Из письма Л.Н. Толстого к С.А. Толстой:
«Мне жаль Чайковского, жаль, что как-то между нами, мне казалось что-то было. Я у него был, звал к себе[...] Жаль как человека, с которым что-то было чуть-чуть неясно больше, чем музыканта».

Из письма Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову 3 /15 ноября 1893 г. из Ясной Поляны:
«Сегодня читал описание [М.И.Чайковского о болезни и смерти его знаменитого брата. Вот это чтение полезно нам: страдания, жестокие физические страдания, страх: не смерть ли? сомнения, надежды, внутреннее убеждение, что она, и все-таки и при этом неперестающие страдания и истощение, притупление чувствующей способности и почти примиренье и забытье, и перед самым концом какое-то внутреннее видение, уяснение всего «так вот что» и ... конец. Вот это для нас нужное, хорошее чтение. Не то, чтобы только думать и не жить, а жить работать, но постоянно одним глазом видя и помня ее, поощрительницу всего твердого, истинного и доброго.»

28 октября / 9 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Отпевание в Казанском соборе. Похороны на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

«<u>Свидетельство</u>
Дано сие от Причта С.-Петербургской Пантелеймоновской церкви Братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры для предания земле тела отставного Надворного Советника, композитора Петра Ильича Чайковского, скончавшегося от холеры двадцать пятого (25-го), 53-х от роду и 28-го Октября сего тысяча восемьсот девяносто третьего года с Высочайшего разрешения отпетого в Казанском соборе Преосвященным Никандром, Епископом Нарвским.
С.-Петербург, 28-е Октября 1893 года. –
С.-Петербургской Пантелеймоновской церкви:
Протоирей Василий Перетерский
Диакон Владимир Вознесенский
Псаломщик Алексей Быстровский»

Газета «Неделя» №44:
«Похороны его, возложенные Высочайшим повелением на Дирекцию Императорских театров, отличалось небывалой пышностью, превышая этим даже похороны Достоевского и Тургенева
... Всему положил конец стакан воды».

28 октября / 9 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

Из воспоминаний А.Т. Гречанинова:
«Похороны носили грандиозный характер. Масса депутаций, съехавшихся со всех концов России, море цветов, венков. Я нес серебряный венок, купленный за деньги, собранные мною среди моих друзей. О том, какой длины была похоронная процессия, можно судить по тому, что в то время как голова процессии была у Николаевского вокзала, конец ее был у Казанского собора, в котором отпевали Чайковского. А на кладбище Александро-Невской Лавры, где его хоронили, не могло проникнуть больше половины провожавших».

30 октября / 11 ноября
МОСКВА

1-й симфонический концерт Филармонического общества памяти Чайковского под управлением П.А. Шостаковского.
В программе: Серенада для струнного оркестра соч. 48, увертюра «Ромео и Джульетта», Итальянское каприччио соч. 45.

6/18 ноября
С.-ПЕТЕРБУРГ

2-е симфоническое собрание Санкт-Петербургского отделения ИРМО памяти Чайковского под управлением Э.Ф. Направника.
В программе: Симфония № 6 «Патетическая» соч. 74, Концерт для скрипки с оркестром соч. 35 (Солист – Л. Ауэр), Увертюра «Ромео и Джульетта» и др.

Из рецензии в «Российской музыкальной газете» (1894, № 1):
«Сильное впечатление производит в этой симфонии необычное распределение частей ее — композитор начал с Adagio и им же и кончил — это действительно своего рода лебединая песня, предчувствие близкой кончины, от этого и впечатление получается трагическое [...] Симфония кончается точно плачем, рыданием и в этих именно страницах вдохновение Чайковского доказало, что оно было еще живо, еще не угасло [...] симфония значительно выиграла во впечатлении при 2-м исполнении под управлением Направника и тогда ее красоты еще больше выделились и могли быть оценены».

Из воспоминаний В.Э. Направника (сына дирижера):
«6(18) ноября того же 1893 года 6-я симфония была повторена в зале Дворянского собрания под управлением моего отца. Я был тоже на первой репетиции. Отец, волнуясь, обратился к оркестру с несколькими прочувствованными словами о Петре Ильиче. 6-я симфония произвела сильнейшее впечатление и имела громадный успех».

Из воспоминаний Н.А. Римского-Корсакова:
«Вскоре после похорон, 6-я симфония была вновь исполнена в концерте под управлением Направника. Публика, на этот раз, отнеслась к ней восторженно, и с этой минуты слава симфонии росла и росла, облетая постепенно Россию и Европу. Говорили, что симфонию растолковал своим исполнением петербургской публике Направник, а что Чайковский, не будучи талантливым дирижером, не сумел этого сделать, оттого-то при первом исполнении под управлением автора публика отнеслась к ней довольно сдержанно. Думаю, что это неверно. Симфония прошла у Направника прекрасно, но и у автора она шла тоже хорошо. Публика просто не раскусила ее на первый раз и не обратила на нее достаточно внимания, подобно тому, как несколько лет перед тем не обратила внимания и на 5-ю симфонию Чайковского».

6/18 ноября
МОСКВА

2-е симфоническое собрание Московского отделения ИРМО памяти Чайковского под управлением В.И. Сафонова.

6/18 ноября
ГАМБУРГ

Концерт памяти Чайковского в оперном театре под управлением Г. Малера.
В программе: Сцена письма Татьяны из оперы «Евгений Онегин», увертюра «Ромео и Джульетта».

19 ноября / 1 декабря
С.-ПЕТЕРБУРГ

Вскрытие завещания, составленного 30 сентября 1891 года:
«Во имя Отца и Сына и Святого Духа я отставной Надворный Советник Петр Ильич Чайковский находясь в здравом уме и твердой памяти по праву данному мне законом (прил. к ст. 118, т. X ч I. По пр. 1863 года) собственное мое недвижимое имение, если таковое принадлежащим мне где бы то ни было окажется, после моей смерти, предоставляю в полую собственность племяннику моему (усыновленному братом моим Николаем Ильичем Чайковским) Георгию Николаевичу Чайковскому в полном составе того имения, со всеми строениями и хозяйственными заведениями, со всей принадлежащею к тому именно движимостью, скотом и хлебом, со всеми правами и обязанностями. Благоприобретенный капитал мой, какой после моей смерти окажется, предоставляю в собственность ему же Георгию Николаевичу Чайковскому с тем, чтобы седьмую часть оного он уступил слуге моему запасному ефрейтору Алексею Софронову. Следуемую мне и по мне моим наследникам за представления как на Императорских так и на каких бы то ни было заграничных столичных и провинциальных русских сценах, оперы моего сочинения, как уже сочиненные, так и те, которые я еще впоследствии могу сочинить (поспектакльную плату) предоставляю получать всю сполна племяннику моему в настоящее время воспитаннику Императорского Училища Правоведения Владимиру Львовичу Давыдову с тем, чтобы из сумм этих он ежегодно уплачивал: 1) Брату моему Модесту Ильичу Чайковскому пятую часть от поспектакльной платы за оперы «Пиковой дамы» и «Иоланты» а также других, коих либретто будет им сочинено, при чем в случае, если размер причитающейся брату суммы окажется ниже 1800 р. сер., то племянник мой Владимир Давыдов доплачивал бы недостающую до 1800 р. сумму из поспектакльной за другие оперы. 2) Состоящей в законном со мной браке Антонине Ивановне Чайковской 1200 руб. сер. 3) Вышеозначенному племяннику моему Георгию Николаевичу Чайковскому 1200 р. 4) Слуге моему запасному ефрейтору Алексею Софронову 600 р. сер. В случае если бы общий итог всех полученных со всех театров на год суммы оказался бы ниже 4800 р. сер., подлежащих на вышеозначенном основании разделу между братом, женой Антониной, племянником Георгием и слугой Софроновым, то оная полная сумма должна быть разделяемая так чтобы из пяти равных частей две с половиной части получал Модест Ильич Чайковский, по одной части Антонина и Георгий Чайковский и половину части Алексей Софронов. Доли суммы образуемой от поспектакльной платы подлежащие уплаты означенным лицам, в случае смерти их предоставляю в полное распоряжение Владимиру Львовичу Давыдову. В случае если бы Владимира Давыдова постигла смерть ранее моей собственной смерти, все завещаемые ему с театров доходы я предоставляю племяннику моему Георгию Николаевичу Чайковскому с тем, чтобы он или опекуны его соблюдали вышеизложенные условия раздела сумм ежегодно. Всякие мои авторские доходы, а также все вообще принадлежащие мне и моим наследникам законные права собственности на мои музыкальные произведения предоставляю племяннику моему Владимиру Львовичу Давыдову, а в случае его смерти ранее моей Георгию Николаевичу. Из моей движимой собственности карманные золотые часы с черной эмалью, усеянной звездочками и золотыми фигурами Иоанны Д'арк, Аполлона и двух муз ныне у меня похищенных в случае если бы они вместе с находившейся при них цепочкой были найдены и возвращены мне, завещаю племяннику моему Владимиру Львовичу Давыдову, а в случае его смерти племяннику Юрию Львовичу. Остальное мое движимое имущество, т.е. все то, что в моей постоянной квартире, в деревне или в городе окажется принадлежащим мне как то мебель, платья, обувь, белье, инструменты, книги, ноты, металлические венки и всяческие поднесенные публикой подарки, словом все без исключения, предоставляю в полную собственность слуге моему запасному ефрейтору Алексею Ивановичу Софронову. Завещание это силу и действие должно восприять после моей смерти. Душеприказчиком по себе назначаю Петра Ивановича Юргенсона и Бориса Петровича Юргенсона. Аминь. К сему домашнему моему духовному завещанию мною собственноручно писанному, я, отставной Надворный Советник Петр Ильич Чайковский руку приложил.
Что сие домашнее духовное завещание писано самим завещателем отставным Надворным Советником Петром Ильичем Чайковским и им собственноручно подписано, и что я завещателя, при предъявлении мне завещания видел и нашел его в здоровом уме и трезвой памяти в том свидетельствую и подписуюсь Московской 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Петр Иванович Юргенсон.
Что сие домашнее духовное завещание писанное самим завещателем отставным Надворным Советником Петром Ильичем Чайковским и им собственноручно подписано и что я завещателя при предъявлении мне сего завещания видел и нашел его в здравом уме и твердой памяти в том свидетельствую и подписуюсь Московский Мещанин Павел Иванович Юрасов.
1893 года ноября 19 дня по Указу Его Императорского Величества С.-Петербургский Окружной суд по 7 отделению, выслушав дело об утверждении к исполнению духовного завещания отставного Надворного Советника Петра Ильича Чайковского: Постановил: Домашнее духовное Завещание умершего 25 октября 1893 года отставного Надворного Советника Петра Ильича Чайковского, составленное 30-го сентября 1891 года утвердить к использованию о чем сделать на завещании надпись и публиковать в Сенатских Объявлениях. При выдаче завещания взыскать публикацию 3 руб., канцелярской пошлины 3 р. 60 к., гербовой пошлины 80 к. и наследственной 960 руб. Заявление Потомственного Почетного Гражданина Петра Ивановича Юргенсона, поданное 6 ноября 1893 года об отказе его от звания душеприказчика по завещанию Чайковского принять к сведению. Определением Суда, состоявшимся по тому же делу 22 ноября 1893 года постановлено: взнос наследственной пошлины в количестве 960 руб. причитающейся с Коллежского Асессора Владимира Львовича Давыдова по определению Суда состоявшимся по сему делу 19 ноября 1893 года отсрочить на один год, наложив в обеспечение всего казенного взыскания арест на поспектакльную плату причитающуюся наследникам Чайковского их Дирекции Императорских Театров. Означенные выше пошлины канцелярские за припечатание объявления и гербовый сбор, а всего 7 р. 40 к. внесены в отделение С.-Петербургского Губернского Казначейства и записаны в доход казны по квитанции от 25 ноября 1893 года в ст. 10.060.
Товарищ председателя
Секретарь Вишневский»

4/16 декабря
МОСКВА

Первое исполнение Шестой симфонии в Москве в экстренном симфоническом собрании Московского отделения ИРМО под управлением В.И. Сафонова.

Из воспоминаний С.Н. Василенко:
«Большинство было просто ошеломлено трагизмом и красотою этого произведения, необычайного по силе впечатления, длившегося очень долго. Мрак окутал меня... Мне хотелось умереть...»

Хронограф составлен А. Айнбиндер

Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского

1894

THE TCHAIKOVSKY
STATE MUSEUM-RESERVE